

АВТОБИОГРАФИЯ БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

OZZY

ВСЕ, ЧТО МНЕ
УДАЛОСЬ ВСПОМНИТЬ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ ЛЕКСИКУ •
18+

БЕСТСЕЛЛЕР
«НЬЮ-ЙОРК
ТАЙМС»

Подарочные издания. Музыка

Оззи Осборн

Оззи. Автобиография без цензуры

«ЭКСМО»

2009

УДК 785(410)
ББК 85.318

Осборн О.

Оззи. Автобиография без цензуры / О. Осборн — «Эксмо»,
2009 — (Подарочные издания. Музыка)

ISBN 978-5-04-094345-6

"Они говорили, что я никогда не напишу эту книгу. Ну и черт с ними, потому что вот и книга. Теперь мне остается только что-нибудь вспомнить..." Для этой книги "великому и ужасному" Оззи Осборну пришлось многое вспомнить: подростковые годы в маленьком промышленном городке в послевоенной Англии, начало музыкальной карьеры (с работы настройщиком автомобильных клаксонов), проступки юности (в том числе криминальные), прорыв на большую сцену и тернистый путь к успеху, которого он совсем не ожидал. Он вспомнил все, что смог, и книга этих воспоминаний получилась невероятно увлекательной, харизматичной, личной и по-настоящему смешной.

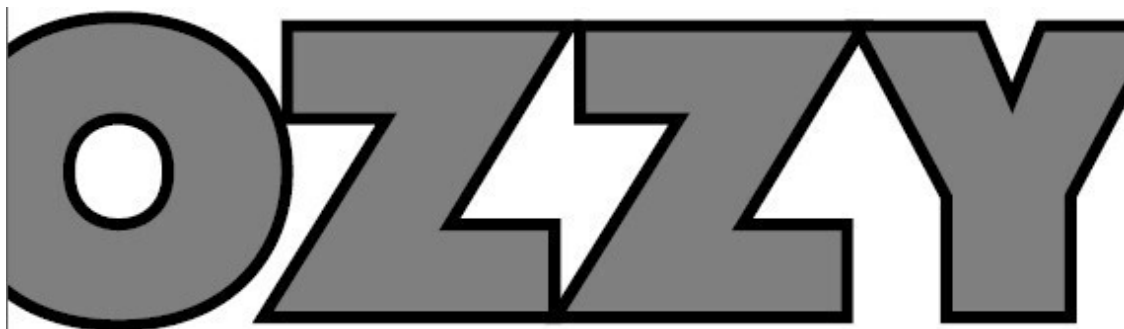
УДК 785(410)
ББК 85.318

ISBN 978-5-04-094345-6

© Осборн О., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Часть первая	6
1. Джон-вор	6
2. Оззи Зиг ищет группу	27
3. Ведьма и нацисты	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Оззи Осборн

Оззи. Автобиография без цензуры

Я хотел бы посвятить эту книгу всем своим поклонникам. Это благодаря вам я прожил такую удивительную жизнь. Благодарю вас от всего сердца.

Да благословит вас всех Бог.

Оззи

И я не забуду еще одного особенного парня, который так много для меня значил, – мистера Рэнди Радса, светлая ему память. Я никогда тебя не забуду и надеюсь, что когда-нибудь где-нибудь мы снова встретимся.

Ozzy Osbourne, Chris Ayres
I Am Ozzy

© 2009 by Ozzy Osbourne

Редакция выражает особую благодарность за помощь при создании книги Алексею Певчеву.

© Попова А., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть первая В начале...

*Они говорили, что я никогда не напишу эту книгу.
Ну и на хер их – потому что вот и книга.
Теперь мне остается только что-нибудь вспомнить...
Твою мать. Я вообще ничего не помню.
Разве что вот это...¹*

1. Джон-вор

Мой отец всегда говорил, что однажды я сделаю что-нибудь важное. «У меня есть предчувствие на твой счет, Джон Осборн, – говорил он мне, осушив несколько бутылок пива. – Ты либо сделаешь что-то очень особенное, либо попадешь за решетку».

И мой старик оказался прав.

В первый раз я загудел в тюрьму в неполных восемнадцать.

Ограбление – вот за что меня скрутили. Или, как было сказано в протоколе, «кража со взломом имущества общей стоимостью в 25 фунтов». По нынешним деньгам это примерно три сотни фунтов. Прямо скажем, не ограбление века. Я воровал всякое дерьмо. Потом возвращался и проделывал то же самое снова и снова. Однажды мне приглянулся магазин одежды «Sarah Clarke's», который находился недалеко от моего дома в Астоне. Во время первого взлома, схватив несколько вешалок, я подумал, что смогу загнать это барахло в пабе. Но забыл взять с собой фонарик, поэтому оказалось, что я спер детские слюнявчики и ползунки.

С таким же успехом можно было пытаться загонять собачье дерьмо.

Так что я вернулся и на этот раз стащил 24-дюймовый телик. Но он оказался слишком тяжелым и свалился и мне на грудь, когда я перелезал обратно через забор за магазином. Около часа я не мог даже пошевелиться, просто лежал в канаве с крапивой и чувствовал себя полным идиотом. Под наркотой я был как Мистер Магу², это да. В конце концов мне удалось сбросить с себя телик, но пришлось его там и оставить.

С третьей попытки мне удалось стащить несколько рубашек. И даже пришла в голову блестящая идея надеть перчатки, чтобы работать как настоящий профессионал. Единственная проблема оказалась в том, что у одной перчатки не было большого пальца, так что я оставил идеальные отпечатки по всему магазину. Через несколько дней, когда копы пришли ко мне домой, то обнаружили и перчатки, и кучу барахла. «Перчатка без пальца? – сказал коп, застегивая на мне наручники. – До Эйнштейна совсем немножко не дотянул, да?» Примерно через неделю состоялся суд, на котором мне вклеили штраф в сорок фунтов. Это оказалось больше, чем у меня было за всю мою жизнь. Я никак не мог их заплатить, если только не ограбить банк... Или не одолжить у отца. Но мой старик отказался помогать.

¹ Воспоминания других людей о событиях в этой книге могут отличаться от моих. Я не собираюсь с ними спорить. За последние сорок лет я принимал алкоголь, кокс, кислоту, метаквалон, клей, микстуру от кашля, героин, флунитразепам, клоназепам, викадин и много других веществ с длинными названиями, которые не поместятся в этой сноске. Во многих случаях я находился под воздействием сразу нескольких веществ из этого списка. И я не чертова Британская энциклопедия, скажем так. То, что вы здесь прочтете, вытекло из желе, которое я называю своим мозгом, когда я спросил его, как прошла моя жизнь. Ни больше ни меньше...

² Мистер Магу (англ. – Mr. Magoo) – комедийный персонаж, вечно попадающий в неловкие ситуации и неприятности. Герой множества мультфильмов и одноименного полнометражного фильма 1997 года производства.

«Я честно зарабатываю свои деньги, – сказал он. – С чего бы мне отдавать их тебе? Пусть это станет для тебя гребаным уроком».

– Но, папа...

– Ради твоего же блага, сынок.

Разговор окончен.

Судья приговорил меня к трем месяцам в тюрьме Уинсон Грин за «неуплату штрафов».

Если честно, когда я узнал, что сяду в тюрьму, то от страха чуть не наложил в штаны. Уинсон Грин представляла собой старую викторианскую тюрьму 1849 года постройки. Работали там отъявленные ублюдки. Даже главный тюремный инспектор страны позднее признавался, что Уинсон Грин – самая жестокая, вонючая, незаконная гребаная дыра из всех, виданных им ранее. Я умолял отца заплатить штраф, но он настаивал на том, что пребывание в тюрьме, возможно, наконец научит меня уму-разуму.

Как и большинство подростков, которые совершают преступления, я просто хотел произвести впечатление на своих дружков. Думал, что круто быть плохим парнем, и старался им быть. Но передумал, как только попал в Уинсон Грин. В комнате приема сердце у меня билось так громко и часто, что я решил, будто оно выскочит из груди прямо на бетонный пол. Охранники вытряхнули всё у меня из карманов, положили в маленький пластиковый пакет – кошелек, ключи, сиги, – и хорошенько посмеялись над моими длинными мягкими каштановыми волосами.

«Ты понравишься парням в блоке Н, – шепнул мне один из них. – Приятного душа, сладкий пирожочек».

Я понятия не имел, что он имеет в виду.

Но очень скоро понял.

Если только ты не мечтал работать на заводе и упахиваться в ночные смены на сборочной линии, то от юности в Астоне ждать было нечего. Единственные рабочие места были на заводах. А жилые дома разваливались, в них даже не было сортиров. В Мидлендсе во время войны производили много танков, грузовиков и самолетов, поэтому в Астоне во время «Блица» сосредоточилась промышленность. Когда я был маленьким, на каждом углу были «строительные площадки» – дома, которые немцы сровняли с землей, пытаясь разбомбить оружейный завод Касл Бромвича. Много лет я думал, что так называются детские площадки.

Я родился в 1948 году и вырос в доме номер 14 в середине улицы Лодж-роуд, по обеим сторонам которой стояли дома с террасами. Мой отец Джон Томас Осборн был слесарем-инструментальщиком и работал в ночные смены на заводе компании «Дженерал Электрик» на Уиттон-лейн. Все называли его Джеком – по какой-то причине тогда так называли Джонов. Отец часто рассказывал мне о войне – в начале 1940-х он работал в Кинг Стенли в Глостершире, а немцы каждую ночь бомбили Ковентри, находящийся примерно в пятидесяти милях. Они сбрасывали взрывчатые вещества и парашютные мины, и город горел таким пламенем, что при отсутствии электричества отец мог читать газету. В детстве я по-настоящему не понимал, какой это был ад. Представьте себе: люди ложатся спать и не знают, достоин ли их дом до рассвета..

Кстати, после войны жизнь была не намного легче. Когда отец возвращался утром домой с ночной смены, моя мама Лиллиан шла работать на завод «Лукас». Чертовски изнурительная рутина, и так день за днем. Но они никогда не жаловались.

Мама была католичкой, но не особо религиозной. Никто из Осборнов не посещал церковь – правда, какое-то время я ходил в воскресную школу при Церкви Англии, потому что больше не хера было делать, а там на халяву давали чай с печеньем. Но мне это не сильно помогло в жизни – учить по утрам рассказы из Библии и рисовать младенца Иисуса. Не думаю, что викарий гордился бы своим учеником.

Воскресенье было для меня худшим днем недели. Я был ребенком, которому постоянно нужно развлекаться, а с развлечениями в Астоне было не густо. Только серое небо, пабы на углу каждой улицы и не очень здоровые люди, которые, как животные, пахали на сборочных линиях. Но у работяг была своя гордость. Например, они выкладывали фальшивыми камнями стены муниципальных домов, чтобы те выглядели так, будто это гребаный Виндзорский замок. Не хватало только рвов и подъемных мостов. У большинства домов были террасы, как у нашего, и каменная облицовка одного дома заканчивалась как раз там, где начиналась штукатурка на другом. Смотрелось ужасающе.

Я был четвертым ребенком в семье и первым мальчиком. У меня три старших сестры: Джина, Айрис и Джиллиан. Не понимаю, когда мои родители успевали этим заниматься, но вскоре у меня появилось еще два младших брата: Пол и Тони. Так что в доме номер 14 на Лодж-роуд было шестеро детей. Полный дурдом. Как я уже говорил,

В те дни в домах не было унитазов, только ночное ведро у кровати. Джине, как самой старшей, досталась отдельная спальня в пристройке позади дома. Все остальные жили в одной комнате, пока Джина не выросла и не вышла замуж. После этого пристройку заняла Айрис.

Большую часть времени я старался не путаться у сестер под ногами. Они постоянно ссорились друг с другом, как это бывает у девочек, а я не хотел попасть под перекрестный огонь. Но Джина всегда старалась присматривать за мной, она была как вторая мама. Мы до сих пор говорим по телефону каждое воскресенье, что бы ни случилось.

Честно признаться, не знаю, что бы я делал без Джини, потому что был очень нервным ребенком. Меня все время преследовал страх неминуемой смерти. Я был уверен, что, если наступать на трещины в асфальте по пути домой, то мать умрет. А когда отец спал днем, я начинал волноваться, что он умер, и тыкал его промеж ребер, чтобы убедиться, что старик еще дышит. И поверьте – отец был этим чертовски недоволен. А подобные жуткие мысли постоянно крутились у меня в голове.

Большую часть времени мне было очень страшно.

Мое самое первое воспоминание – именно о том, что мне было страшно. Это было 2 июня 1953 года: День коронации королевы Елизаветы. В то время отцу безумно нравился Эл Джолсон, американский актер и звезда эстрады. Мой старик ходил по дому, пел его песни, читал наизусть комедийные реплики и при любом удобном случае наряжался в его костюм.

Тогда Эл Джолсон был знаменит в основном своими пародиями на негров. Его выступлениями с зачерненным под негра лицом были настолько неполиткорретными, что в наше время ему бы за это здорово прилетело. Однажды отец попросил тетюшку Виолетту сшить нам пару черно-белых костюмов в стиле исполнителей негритянских песен, чтобы мы облачились в них на время празднования коронации. Костюмы были просто потрясающие! Тетюшка Виолетта даже достала нам подходящие белые цилиндры и белые бабочки, а еще пару полосатых красно-белых тросточек. Но, когда отец спустился вниз с черным лицом, у меня на хрен снесло башню. Я кричал и плакал: «Что вы с ним сделали? *Верните моего папу!*» – и не затыкался, пока кто-то не объяснил, что папа просто намазался гуталином. Потом меня тоже попытались намазать этой штукой, но я снова взбесился. Я не хотел, чтобы на мне была эта штука, полагая, что она останется навсегда.

– Нет! Нет! Нет! *He-e-e-e-e-e-em!* – кричал я.

– Не будь трусишкой, Джон, – рявкнул отец.

– Нет! Нет! Нет! *He-e-e-e-e-e-em!*

Потом я узнал, что у нас в семье уже были сумасшедшие. Бабушка по папиной линии находилась в пограничном состоянии. Точнее – она реально была долбанутая. Всё время была меня без причины. Помню, как она шлепала и шлепала меня по бедрам. А еще была мамина младшая сестра, тетя Эдна, которая совершила самоубийство, сиганув в канал. Однажды она

вышла из дурки и просто решила утопиться. Бабушка по маминей линии тоже была немного с приветом. У нее на руке была татуировка с инициалами моего деда – А. Ю., значит Артур Юнитт. Я думаю о ней каждый раз, когда вижу по телику одну из этих роскошных телочек с татуировками по всему телу. Выглядит нормально, когда ты молода и свободна, но, поверьте, смотрится не слишком сексуально, когда ты бабушка, укачиваешь внуков на ночь, а у тебя на бицепсе сморщенный кинжал и две облезлые змеи. Но ей было по херу, моей бабуле. Она мне очень нравилась. Она дожила до девяноста девяти лет. Когда я стал слишком много пить, бабушка била меня по заднице свернутой в трубочку газетой «*Mirror*» и говорила: «Ты жиреешь! Хватит пить! Ты воняешь как чертова подставка для кружки!»

А мои родки были относительно нормальные. Папа был строгим, но он никогда меня не бил и не запирали в угольном чулане – ничего такого. В худшем случае шлепал, если я делал что-то плохое, например, хотел заклеить дедушкину коленку горячей кочергой, пока тот спит. Но зато папа ссорился с матерью, и позднее я узнал, что он ее бил. Однажды мать, по-видимому, даже подала на отца в суд. Я часто слышал, как они кричат и ругаются, но не знал, из-за чего – полагаю, что из-за денег. Поверьте, никто из живущих в реальном мире не говорит постоянно что-то типа «да, дорогая, я понимаю, давай поговорим о наших «чувствах», бла-бла-бла, черт возьми». Те, кто утверждает, что ни разу не сказали грубого слова, живут на другой планете, мать их. И понятие брака в то время было другим. Даже не могу себе представить, каково это было – ты вкалываешь всю ночь, а твоя благоверная работает весь день, но у вас всё равно нет денег.

Он был хорошим парнем, мой старик: простым, старомодным. Он был очень худым и носил толстые очки в черной оправе, как у Ронни Баркера³. Отец говорил мне: «Хорошего образования у тебя может и не быть, но хорошие манеры ничего тебе не стоят». И сам жил по этому принципу: всегда уступал женщинам место в автобусе, помогал старушкам переходить дорогу.

Хороший он был человек. Очень по нему очень скучаю.

Сейчас я понимаю, что отец был немного ипохондриком. Может, у меня это именно от него. Папу всё время беспокоила нога, он постоянно ее забинтовывал, но к врачу его было не загнать. Он бы скорее умер, чем обратился к специалисту. Врачи приводили отца в ужас, как и многих людей его возраста. И он никогда не брал отгулы. Если бы папа заболел и остался дома, это значило бы, что пора звать гробовщика.

Что у меня точно не от отца, так это склонность к зависимостям. Отец пропускал несколько кружек пива, но никогда не напивался. Больше всего ему нравилось пиво «*Mackeson Stout*». Он ходил в клуб для работяг потусоваться с парнями с завода и приходил домой, напевая «*Show Me the Way to Go Home*». И всё. Никогда не видел, чтобы он валялся на полу, обмочил штаны или блевал. Ему просто становилось хорошо и весело. Иногда по воскресеньям я шел с отцом в паб, а потом играл на улице и слушал через дверь, как он во весь голос горланит. И я думал, черт возьми, должно быть тот лимонад, который папа пьет, просто потрясающий... У меня было невероятное воображение. Много лет мне было интересно, какое же пиво на вкус, пока я его наконец не попробовал и не подумал – что это, на хрен, за дерьмо? Не может быть, чтобы папа такое пил! Но потом понял в чем дело. Я обожал всё, что меняет мое состояние, поэтому к восемнадцати годам мог влить в себя пинту⁴ пива за пять секунд.

В нашей семье любили петь все, а не только папа, будучи навеселе. Мама и сестры тоже. Джина приходила домой с записями Чака Берри и Элвиса Пресли, женщины их разучивали и устраивали маленький субботний концерт. Однажды мои сестры даже разучили несколько

³ Ронни Баркер (англ. – Ronnie Barker) – английский комедийный актер и писатель, носивший большие очки в толстой оправе.

⁴ 1 английская пинта = 0,57 литра.

мелодий The Everly Brothers. Впервые в жизни я выступал как раз на таком семейном концерте Осборнов – пел песню Клиффа Ричарда «Living Doll», которую услышал по радио. Но в то время я даже не помышлял о карьере певца, об этом и речи быть не могло. Насколько я знал, единственный способ заработать хоть сколько-то денег – пойти работать на завод, как и все в Астоне. Или ограбить долбаный банк.

Этот вариант я точно не исключал.

Преступления пришли в мою жизнь естественно и непринужденно. У меня даже был сообщник – паренек с моей улицы по имени Патрик Мерфи. И Мерфи, и Осборны были жесткими ребятами, хотя дети семейства Мерфи были настоящими католиками и ходили в дружную школу. Мы с Пэтом начинали с воровства яблок. Но не продавали их, – просто жрали, потому что были вечно голодные. Но частенько попадалось какое-нибудь гнилое, и нас проносило несколько дней подряд. Недалеко от нашего дома была Тринити-роуд, от которой шла улица пониже, так что можно было просто прислониться к стене, задрать футболку и насыпать в нее яблок с деревьев, которые росли внизу. Однажды, когда я стоял на стене, как чертов беременный яблочный контрабандист, владелец этой земли спустил с цепи двух немецких овчарок. Они набросились на меня сзади, и я упал со стены головой вниз прямо в сад, да так неудачно, что через несколько секунд один глаз у меня раздулся и заплыл. Отец чертовски взбесился, когда я в таком виде явился домой. Потом была больница, где врач тоже задал мне трепку.

Но нас с Пэтом это не остановило.

После яблок мы перешли к «зачистке» парковочных автоматов. Потом дело долшло до мелких краж. У моих предков было шестеро детей и не много денег, а в таком отчаянном положении ради того, чтобы хоть немного набить живот, пойдешь на всё. Я не горжусь этим, но я и не один из тех парней, которые говорят: «Ой, у меня теперь всё хорошо, у меня куча денег, давайте не будем ворошить прошлое».

Именно мое прошлое сделало меня таким, какой я есть.

Потом мы замутили еще одну тему: встали у стадиона «Астон Вилла» во время матча и брали с фанатов по полшиллинга за то, чтобы «присмотреть» за их машиной. В то время все оставляли машины незапертыми, так что во время матча мы забирались в них и безобразничали. Иногда пытались дополнительно заработать мытьем этих машин. Это был блестящий план, пока как-то раз мы не решили вымыть машину одного несчастного придурка проволоочной щеткой. Когда мы закончили, с машины слезла половина краски. Увидев результат, чувак реально охренел.

Я не был плохим парнем, но очень хотел им быть. Я был обычным подростком и хотел, чтобы меня приняли наконец в одну из уличных шайк. Помню, у нас были клевые игры. Мы играли в войнушку, ребята с одной улицы против ребят с другой, бросались друг в друга камнями, а вместо щитов у нас были мусорные ведра, и мы изображали битву греков против римлян. Было весело, пока одному парню не попали камнем в лицо, и его не увезли в неотложку, потому что из глазницы хлестала кровь. Еще мы мастерили бомбы из подручных материалов: берешь кучу дешевых хлопушек, высыпаешь из них порох, сплющиваешь один конец медной трубки, прокручиваешь в середине отверстие, наполняешь ее порохом, загибаешь второй конец, затем берешь фитиль из одной хлопушки и вставляешь в отверстие. А потом нужно просто поднести спичку к фитилю и на хрен свалить оттуда, да побыстрее.

Ба-бах!

Хе-хе-хе.

Не всё, что мы делали, было настолько же хитроумно, как изготовление бомб, но почти всё – так же опасно.

Мы с Пэтом как-то построили землянку, вырыв ее в твердой глиняной набережной, вставили туда раму и доски, а в крыше проделали дыру для дымохода. Рядом были ржавые бочки

из-под бензина, и мы спрыгивали с них на кусок старого рифленого металла, который служил идеальным трамплином – бумс! – приземляясь прямо на крышу землянки. Так мы развлекались несколько недель, пока в один прекрасный день я не угодил в чертов дымоход и чуть не свернул себе шею.

На пару секунд Пэт решил, что я отбросил коньки.

Но лучше всего были «строительные площадки». Мы часами страдали на них херней, что-то строили из щебня, что-то ломали, жгли костры. И всё время искали сокровища... у нас было безумное воображение. Вокруг было множество заброшенных викторианских домов, где можно было играть, потому что Астон тогда только начинали отстраивать заново. Они были великолепны, эти старые дома, в них можно было заниматься чем угодно. Мы покупали пару двухпенсовых сигарет, садились в разбомбленных гостиных или каких-нибудь других комнатах, бездельничали и курили. Нашими любимыми марками сигарет были «Woodbine» и «Park Drive». Сидишь там, в грязи и пыли, дымишь папироской и в то же время вдыхаешь плотный желтый бирмингемский смог.

Эх, было времечко.

Школу я терпеть не мог. Точнее – просто ненавидел.

До сих пор помню первый день в начальной школе Prince Albert Juniors в Астоне: меня пришлось тащить туда за загривок, потому что я верещал и брыкался.

Единственное, чего я с нетерпением ждал, – это звонок с уроков в четыре часа. Я не умел как следует читать и не получал хороших оценок. В голове у меня ничего не задерживалось, и я не мог понять, почему мой мозг – бесполезный кусок долбаного желе. Я смотрел на страницу в книге, но толку от этого не было – словно она была написана на китайском. Я чувствовал, что из меня ничего не выйдет, будто уже родился неудачником. Только в тридцать с лишним лет я узнал, что у меня дислексия и синдром дефицита внимания. В то время об этом дерьме еще никто ничего не знал. В моем классе было сорок человек, поэтому, если ты чего-то не понимаешь, то учителю было на это глубоко плевать. Остается лишь бездельничать. Именно так я и делал. А когда надо мной смеялись – например, когда надо было читать вслух, – я старался развлекать класс и придумывал разные безумные штуки, чтобы всех рассмешить.

Единственный плюс от дислексии в том, что дислексиики обычно – очень творческие люди. По крайней мере, мне так сказали. Мы мыслим очень необычно. Но это клеймо на всю жизнь – когда не можешь читать как нормальные люди. Я до сих пор жалею, что не получил нормального образования. Думаю, что книги – это и правда круто. Зачитываться какой-нибудь книгой – просто восхитительно, черт возьми. У каждого должна быть такая возможность. Но я смог прочитать от начала до конца всего несколько книг за всю жизнь. Раз в сто лет случается, что эта хрень в моей голове проходит, и я стараюсь читать как можно больше, потому что, когда она вернется, всё будет как раньше, и я буду сидеть и пялиться в иероглифы.

Насколько я помню, в школе меня всегда называли Оззи. Понятия не имею, кто первым это придумал, когда и почему. Полагаю, это просто кличка для Осборна, но она отлично сочеталась с моим клоунским поведением. Как только кличка приклеилась, Джоном меня продолжали называть только дома. Сейчас я даже не узнаю свое настоящее имя. Если кто-то скажет: «Эй, Джон! Смотри сюда!» – я даже глаза не подниму.

После окончания начальной школы я перешел в среднюю школу Birchfield Road Secondary Modern в Перри Барре. Там у нас была школьная форма. Она была необязательной, но большинство детей ее носили, в том числе мой младший брат-паинька Пол. Каждый день он надевал пиджак, серую фланелевую рубашку, галстук и майку. А я ходил в заляпанных сапогах, джинсах и вонючих старых джемперах. Директор школы мистер Олдхэм бранил меня каждый раз, когда видел. «Джон Осборн, приведи себя в порядок, ты позорище! – кричал он с лестницы. – Почему ты не можешь брать пример с брата?»

Единственный раз мистер Олдхэм сказал обо мне доброе слово, когда я сообщил ему, что один из старших школьников пытался убить рыбок, налив в аквариум моющее средство. Он даже похвалил меня на собрании. «Благодаря Джону Осборну, – заявил он, – мы смогли уличить злодея, ответственного за этот низкий поступок». Чего мистер Олдхэм не знал, так это того, что убить рыбок моющим средством пытался я, но потом почему-то передумал. Я знал, что все будут ругать меня за мыльную пену в аквариуме – меня ругали вообще за *всё*, поэтому подумал, что если я вовремя переведу стрелки на кого-нибудь другого, то мне удастся избежать наказания. Все получилось как надо.

Был один учитель, который мне нравился, – мистер Черрингтон. Он был любителем местной истории и однажды водил нас в место под названием Пимпл Хилл в Бирмингеме, где раньше стоял старый замок. Это было чертовски здорово. Он рассказывал о крепостях, захоронениях и средневековых приспособлениях для пыток. Это был лучший урок в моей жизни, но я всё равно не получил хороших оценок, потому что ничего не смог записать.

Как ни странно, единственное, за что я получал хорошие оценки в школе на Берчфилд-роуд, – это «обработка тяжелых металлов». Полагаю, это потому, что отец занимался изготовлением инструментов, и знания были усвоены естественным путем. Я даже выиграл первый приз в конкурсе нашего класса за лучший металлический стопор для окна. Но это никак не мешало мне валять дурака. Учитель, мистер Лейн, бил меня по заднице большой деревяшкой так сильно, что я думал, у меня задница отвалится. На самом деле он был хорошим парнем, мистер Лейн. Хотя и страшным расистом. Черт возьми, что он говорил... Сегодня за такое он бы точно загремел в тюрьму.

Мой любимым приколом на уроке по обработке металлов был такой: берешь однопенсовик, три-четыре минуты нагреваешь его паяльной лампой, а потом кладешь на стол мистеру Лейну, чтобы он поднял его из любопытства.

Сначала слышишь: «А-а-а-а-а-ай!» – а потом: «Осборн, ах ты, маленький ублюдок!» Хе-хе-хе.

Старый фокус с горячим пенсом. Забавно, приятель.

Когда я был помладше, надо мной какое-то время издевались старшие дети. Поджидали по дороге из школы, стягивали с меня штаны и дразнили. Мне было одиннадцать-двенадцать лет и это было очень неприятно. Они не трахали меня, не драчили – просто мальчишки играли в мальчишечьи игры, – но мне было очень стыдно и страшно, а рассказать родителям я не мог. В моей семье дети и так дразнили друг друга – и это нормально, когда вас шестеро в одном доме – но из-за этого попросить о помощи было невозможно. И я думал, что сам во всём виноват.

По крайней мере, когда я вырос и у меня появились собственные дети, я говорил им: «Никогда не бойся подойти к маме с папой с любой проблемой. Ты сам решаешь, что хорошо, а что нет, и, если кто-то трогает твое тело, а тебе это не нравится, просто скажи нам». И, поверьте, если бы я узнал, что с моими детьми кто-то ведет себя не должным образом, то пролилась бы чертова *кровь*.

В конце концов, я нашел способ отделаться от этих подонков. Я выбрал самого крупного парня на площадке и смешил его, пока тот не рассмеялся. Так мы подружились. Фигура у него была чем-то средним между кирпичным сортиром и долбаной горой Сноудон⁵. Если свяжешься с таким, то следующие пару месяцев придется пить свой школьный обед через соломинку. Но в глубине души этот громада был добрым великаном. Как только мы подружились, хулиганы оставили меня в покое, что стало большим облегчением, ведь в драке от меня было столько же толку, сколько и в чтении.

⁵ Сноудон – высочайшая вершина Великобритании южнее Шотландского высокогорья.

Единственным парнем в школе, который *никогда* ко мне не лез, был Тони Айомми. Он был на год старше, и его знали все – Тони умел играть на гитаре. Хотя он меня и не бил, но всё равно пугал. Может, даже заехал по яйцам пару раз или ткнул пальцем, но больше ничего. Тони был высоким, красивым и нравился всем девочкам. Победить Айомми в драке не мог никто. Мое самое яркое школьное воспоминание о нем – это день, когда нам разрешили принести в школу свои рождественские подарки. Тони пришел с такой яркой красной электрогитарой. Помню, как подумал, что это самая крутая вещь, которую я видел в жизни. Я тоже всегда хотел играть на каком-нибудь инструменте, но у моих родителей не было денег, да, к тому же, мне бы все равно не хватило усидчивости. Я мог сосредотачиваться максимум на пять секунд. А Тони умел играть. Он был просто невероятен. Тони один из ребят, одаренных от природы: можно дать ему какую-нибудь монгольскую волынку, и за пару часов он разберется, как играть на ней блюзовые риффы. Еще в школе мне было интересно, какое будущее ждет Тони Айомми.

Но наши пути снова пересеклись лишь через несколько лет.

Я рос и всё меньше времени проводил в классе и больше – за курением в мужском туалете. Курил я так часто, что постоянно опаздывал на утреннюю регистрацию, которую проводил учитель регби мистер Джонс. Он меня ненавидел, поэтому всё время оставлял после уроков и позорил перед другими детьми. Больше всего на свете мистер Джонс любил меня бить. Обычно он велел мне идти к ящику с теннисными туфлями в задней части класса, выбрать самую большую и принести ему. Потом шел сам, рылся в ящике, и, если находил туфлю большего размера, то бил меня по заднице с удвоенной силой. Пожалуй, именно он издевался надо мной больше всех в школе.

Еще мистер Джонс занимался тем, что с утра выстраивал всех нас в классе в линейку, а затем ходил за спинами туда-обратно и смотрел на шеи – проверял, что мы умываемся по утрам. Если он считал, что у тебя грязная шея, то проводил по ней белым полотенцем. И если полотенце пачкалось, то тащил за воротник к раковине в углу и оттирал, как животное.

Во всей школе он был самым большим хулиганом, этот мистер Джонс.

Довольно быстро я понял, что у моих родителей денег меньше, чем у большинства других семей. Об отдыхе на Майорке каждое лето речь как-то не заходила – родителям нужно было кормить и одевать шестерых маленьких Осборнов. До четырнадцати лет я даже не видел море. Впервые это произошло благодаря моей тетушке Аде, которая жила в Сандерленде. И не видел океана – большой воды, в которую не стекает дерьмо из местной канализации и от которой у тебя не наступает гипотермия за три долбанных секунды, – до двадцати с лишним лет.

Нашу бедность можно было определить и по другим признакам. Например, вместо туалетной бумаги мы пользовались кусочками газет. Летом я носил резиновые сапоги, потому что у меня не было обуви, а мама никогда не покупала мне нижнее белье. А еще был изворотливый парень, который постоянно приходил в дом и просил денег. Мы называли его «тук-тук». Он был коммивояжером и втюхивал маме в кредит всякое барахло из своего каталога, а потом исправно навещался каждую неделю за следующим платежом. Но у мамы никогда не было денег, поэтому она всегда посылала к двери меня – сказать, что ее нет дома. В конце концов я от этого устал. «Мама говорит, что ее нет дома», – ответил я.

Несколько лет спустя я искупил свою вину: открыл дверь этому тук-туку и оплатил все мамины счета. Потом велел ему проваливать к черту и никогда больше не возвращаться. Но это не помогло. Две недели спустя, вернувшись домой, я увидел, что маме доставили новенький костюм-тройку. Как вы думаете – откуда он взялся?

Когда я был маленьким, с деньгами было очень туго. Один из худших дней всего моего детства – когда мама дала мне десять шиллингов на День рождения, чтобы я купил себе фонарик, светящийся разными цветами, – а по пути домой я потерял сдачу. Должно быть, четыре

или пять часов я шарил по всем канавам и сливным трубам Астона, чтобы найти те несколько медяков. Самое смешное, что я даже не помню, что сказала мама, когда я пришел домой. Но очень хорошо помню, что был чертовски напуган.

Не то чтобы жизнь в доме номер 14 на Лодж-роуд была плоха. Но едва ли ее можно назвать семейной идиллией.

Хотя бы потому, что моя мать не Делия Смит⁶.

Каждое воскресенье она потела на кухне за плитой, а мы все тряслись в ожидании результата. Жаловаться было нельзя. Как-то раз я ем капусту, а она на вкус, как мыло. Джина ловит мой взгляд, тычет промеж ребер и шепчет: «Не говори ни слова». Но меня сейчас или вывернет, или я умру от отравления этой дрянью. К счастью, в ту же секунду папа возвращается из паба, вешает пальто и садится за обеденный стол. Берет вилку, втыкает ее в капусту, подносит ко рту, а из нее торчит спутанная проволока! Да благословит Бог мою старую маму, она сварила щетку для мытья посуды!

Мы все побежали в сортир, чтобы проблеяться.

В другой раз мама дала мне с собой на обед сэндвичи с вареным яйцом. Я поднимаю хлеб, а там сигаретный пепел и кусочки скорлупы.

Классно, мам.

Школьные обеды просто спасли мне жизнь. Это одна из немногих прекрасных вещей в моем сраном образовании. Они были просто волшебные, эти школьные обеды. Нам давали основное блюдо и пудинг, и это было просто невероятно. Сейчас берешь что-нибудь и сразу начинается: «Ой, здесь двести килокалорий, – или, – ой, здесь восемь граммов насыщенных жиров». Но тогда еще не было такой срани, как калории. Была просто еда на тарелке. И ее всегда было мало.

Каждое утро я искал предлог прогулять школу. Поэтому, когда причины были настоящие, мне никто не верил.

Например, когда я услышал привидение.

Я на кухне, собираюсь выходить в школу. Зима, мороз, в кране нет горячей воды, я кипячу чайник, чтобы налить воды в раковину и помыть посуду. И вдруг слышу голос: «Осборн, Осборн, *Осборн*». Папа работал в ночную смену, поэтому по утрам он собирал нас в школу и ложился спать. Я повернулся к старику и сказал: «Папа! Пап! Я слышу, как кто-то нас зовет! Кажется, это призрак! Похоже, он охотится на наш дом!»

Папа отрывает глаза от газеты.

– Хорошая попытка, сынок, – говорит он. – Призрак или не призрак, а в школу ты идешь. Давай поживей мой посуду.

Но голос всё звучал.

– Осборн, Осборн, *Осборн*.

– Но, папа! – кричал я. – Там голос! Он есть, *есть*. Послушай!

Наконец папа тоже услышал.

– Осборн, Осборн, *Осборн*.

Казалось, голос раздается из сада. Мы оба выбежали на улицу – я прямо босиком, – в саду никого не было. Но мы снова слышали голос, на этот раз ближе и громче.

– Осборн, Осборн, *Осборн*.

Голос раздавался из-за забора. Мы заглянули в соседний сад и увидели, что наша соседка, одинокая старушка, лежит прямо на льду. Она поскользнулась, упала и не смогла встать, а помочь ей было некому. Скорей всего, если бы вовремя не подоспели, она замерзла бы насмерть. Мы с папой перелезли через забор, подняли и отнесли соседку в гостиную, где

⁶ Делия Смит (англ. – Delia Smith) – английский повар и популярная телеведущая.

раньше никогда не были, хотя жили в соседнем доме всю жизнь. Оказалось, у старушки раньше были муж и дети, но во время войны мужа отправили во Францию, где его застрелили нацисты, а дети погибли в бомбоубежище. Но она жила так, будто все еще живы. Всюду были фотографии, детская одежда и игрушки. Весь дом словно застыл во времени. Было очень грустно. Это самая душераздирающая картина, какую я видел в жизни. Помню, как мама выплакала все глаза, когда в тот день вернулась из этого дома.

Удивительно, да? Живешь в нескольких сантиметрах от соседа и ничегошеньки о нем не знаешь.

В тот день я опоздал в школу, но мистеру Джонсу было всё равно, почему – ведь я опаздывал почти каждый день. Для него это был очередной повод превратить мою жизнь в ад. Однажды утром – может, это было в тот день, когда мы нашли старушку на льду – я пришел на переключку с таким опозданием, что она уже закончилась, а на линейке уже стоял другой класс.

Для меня это был особенный день, потому что папа дал мне связку металлических стержней с завода «Дженерал электрик», и я собирался сделать несколько отверток на уроке обработки металлов. Стержни лежали у меня в сумке, и я с нетерпением ждал, когда смогу показать их одноклассникам.

Но день был испорчен, еще не успев начаться. Помню, как стою перед столом мистера Джонса, а он бесится и орет на меня, пока другой класс рассаживаются за партами. Мне было так стыдно, что я хотел забиться в какую-нибудь нору и никогда из нее не вылезать.

– ОСБОРН! – кричал он. – ТЫ ПОЗОРИШЬ САМОГО СЕБЯ И ЭТУ ШКОЛУ! НЕСИ МНЕ БОТИНОК!

В классе воцарилась такая тишина, что можно было услышать, как перднет мышь.

– Но, сэр!

– НЕСИ МНЕ БОТИНОК, ОСБОРН. И УБЕДИСЬ, ЧТО ОН САМЫЙ БОЛЬШОЙ, ИЛИ Я ТРЕСНУ ТЕБЕ ПО ЗАДУ ТАК СИЛЬНО, ЧТО ПОТОМ МЕСЯЦ СИДЕТЬ НЕ СМОЖЕШЬ!

Я огляделся и увидел лица учеников, уставившихся на меня. Черт, приятель, я готов был умереть. Ребята в этом классе были на год старше и пялились на меня, как будто я какой-нибудь чертов урод. Я втянул голову в плечи и совершил свой променад позора в конец класса. Кто-то пытался подставить мне подножку. Еще кто-то подвинул свой портфель в проход, чтобы мне пришлось его обойти. Все мое тело дрожало и онемело, а лицо горело огнем. Я не хотел заплакать перед старшими детьми, но уже чувствовал, как накатывают слезы. Я подошел к ящику, нашел туфлю – но так нервничал из-за того, что на меня все смотрят, что даже не смог определить самый большой, – и отнес ее мистеру Джонсу. Подаю ему ботинок, не поднимая глаз.

– ПО-ТВОЕМУ, ЭТО САМЫЙ БОЛЬШОЙ? – орет мистер Джонс. Потом быстро шагает в конец класса, смотрит в ящик, возвращается с ботинком побольше и велит мне наклониться. А все смотрят. В этот момент я отчаянно силюсь не заплакать, но у меня из носа уже льются сопли, и я утираюсь тыльной стороной ладони.

– Я СКАЗАЛ, НАКЛОНИСЬ, ОСБОРН!

Я слушаюсь. Затем он заносит руку как можно дальше и со всей силы бьет меня чертовым ботинком 44 размера.

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Мне чертовски больно. Ублюдок бьет еще раз. И еще. Но к третьему или четвертому удару я уже на хрен натерпелся. И вдруг я разозлился. Во мне кипит чертова слепая ярость! Он шлепает меня снова, я лезу в сумку, достаю папины железные прутья и изо всей силы бросаю их прямо в жирную потную рожу мистера Джонса. Мне не очень давался спорт, но в эти пару секунд я бы забил мяч за английскую сборную по крикету. Мистер Джонс отшатывается назад, у него из носа хлещет кровь, и я понимаю, что натворил. Ребята в классе пооткрывали рты. О,

че-е-е-ерт. Я выбегаю из класса, несусь по коридору, выбегаю из школы и мчусь по дороге в дом номер 14 на Лодж-роуд. Забегаю наверх, где спит отец, и бужу его. И тут я разревелся.

Отец был просто в ярости.

Слава Богу, злился он не на меня, а на мистера Джонса. Папа сразу же отправился в школу и потребовал директора мистера Олдхэма. Крики было слышно в другом конце школы. Мистер Олдхэм каялся, что понятия не имел о методах воспитания мистера Джонса, но пообещал разобраться в ситуации. Отец ответил, что это было бы чертовски неплохо.

С тех пор меня ни разу не били.

В школе я был далеко не Ромео – большинство девчонок считали меня психом, – но какое-то время у меня была подружка по имени Джейн. Она ходила в школу для девочек на той же улице. Я сходил по ней с ума. До ужаса. Каждый раз перед встречей с ней я шел в школьный туалет и намыливал волосы, чтобы уложить их назад и казаться крутым. Но в один прекрасный день пошел дождь, и моя голова превратилась в мыльный пузырь, а мыло потекло по лбу прямо в глаза. Джейн взглянула на меня, спросила: «Ты что – debil? – и сразу бросила. Прямо там же. У меня разбилось сердце. Через несколько лет я встретил свою любовь выходящей из клуба в Астоне, и она была пьяна в такое говно, что я удивился, из-за чего же раньше так парился.

Были и другие девчонки, но ничего стоящего из этого так и не вышло. Вскоре я узнал, как больно, когда девушка, которая тебе нравится, гуляет с другим парнем. Когда тебя динамят, тоже не очень весело. Однажды я договорился встретиться с девчонкой у отеля «Crown and Cushion» в Перри Барре. Когда я пришел туда в полвосьмого, лил дождь, а ее нигде не было. Я подумал: «Ну ладно, придет через полчаса». И подождал до восьми. Ничего. Подождал еще полчаса. По-прежнему ничего. В итоге я прождал до десяти часов, а потом поковылял домой, промокший до нитки, подавленный и отвергнутый. Теперь, сам став отцом, я искренне недоумеваю, какого хрена я тогда себе думал? Ни один нормальный отец не выпустит свою дочь вечером на улицу в дождь встречаться с каким-то парнем из школы.

Это всего лишь мальчишеская любовь. Тебе кажется, что ты взрослый, но на самом деле это совсем не так.

Еще как-то раз, когда мне было около четырнадцати, я пригласил девочку в кино. Я решил, что буду плохим парнем, поэтому закурил, чтобы произвести впечатление. К тому времени я уже пробовал курить, но это еще не вошло в привычку. В тот вечер у меня в кармане было пять сиг и однопенсовый коробок спичек. И вот сижу я в кинотеатре, строю из себя невесту что, как вдруг покрываюсь холодным потом. Какого черта, что со мной происходит? Рыгаю и чувствую вкус рвоты. Бегу в туалет, запираюсь в кабинке, и меня от кашля на хрен выворачивает наизанку. Мне было так плохо, приятель. Я еле доплелся до выхода и побрел домой, меня рвало всю дорогу. Не знаю, что было дальше с той девчонкой, но, по крайней мере, она получила коробку конфет «Maltesers».

И за время моего взросления это не единственная печальная история, связанная с сигаретами. Как-то вечером, примерно тогда же, я курил в своей спальне на Лодж-роуд. Потом притушил сигаретку чтобы докурить утром, а через несколько часов проснулся от удушья. Всё было в дыму. *Чёрт побери*, подумал я, *я поджег дом!* Но потом посмотрел на пепельницу рядом с кроватью и увидел, что сигарета не горит. Чего я не знал, так этого того, что тем вечером папа пришел домой немного навеселе и тоже курил дома. Но не потушил сигарету, а уронил ее за диван, так что поролон в подушках начал тлеть. По всему дому расползся удушливый черный дым.

Следующее, что я помню, как бегу вниз в гостиную и вижу, что у папы похмелье и виноватое лицо, у мамы по лицу текут слезы, и она сгибается пополам от кашля.

– Джек Осборн, – заорала мать в перерыве между кашлем. – Какого черта ты...

А потом закашлялась так сильно, что вставная челюсть вылетела у нее изо рта и разбила окно, выпустив холодный ветер с улицы. Взлетело пламя – и диван вспыхнул как гребанный костер. Я не знал, смеяться мне или обосраться от страха. Все-таки каким-то образом нам с папой удалось потушить огонь, а мама пошла в сад искать свою челюсть.

В доме воняло еще несколько недель.

Но это не помешало мне курить. Я был уверен, что с сигаретой выгляжу круто. И, возможно, был прав, потому что через несколько недель после пожара мои отношения с девочками наконец-то пришли к счастливой развязке. Незадолго до этого я обнаружил, что пенис нужен не только для того, чтобы мочиться в ведро, и стал неустанно дробить. Я передергивал повсюду. Я не мог уснуть, потому что всю ночь гонял лысого. И вот однажды я пошел на танцы в паб в Астоне. Это было еще до того, как я начал пить, но в дальнем зале был чей-то развеселый день рождения. Там была девчонка постарше – в жизни не вспомнить, как ее звали, Богом клянусь, – и она со мной танцевала. Потом привела к себе домой и трахала всю ночь. Понятия не имею, почему она выбрала меня. Может, просто припекло, а я оказался единственным незанятым членом в этом пабе. Кто знает? Во всяком случае, я не жаловался. Конечно, после этого мне захотелось продолжения. Поэтому на следующий день побежал к ней домой, как пес, который второй раз нюхает тот же столб.

Но она выпалила: «Какого хрена тебе здесь надо?»

– Как насчет перепихнуться еще раз?

– Отвали.

Так закончился наш чудесный роман.

В пятнадцать лет я закончил школу. И что же за десять лет я получил от британской системы образования? Листок бумаги, на котором написано:

«Джон Осборн посещал школу «Birchfield Road Secondary Modern»».

И подпись:

«Мистер Олдхэм (Директор)».

И всё. Ни одной оценки. Ничего. Поэтому у меня было два карьерных пути: физический труд и физический труд. Первым делом я стал искать работу в рубрике вакансий на обороте «*Birmingham Evening Mail*». В газете как раз был специальный раздел для тех, кто только что закончил школу и интересуется перспективами трудоустройства. Я просмотрел их все: молочник, мусорщик, работник сборочной линии, укладчик, дворник, водитель автобуса и тому подобное – и выбрал работу водопроводчика, потому что это, по крайней мере, ремесло. А мне говорили, что без знания ремесла в жизни ничего не добьешься.

К тому времени, когда я получил эту работу, наступил конец года, начинало холодать. А я не знал, что водопроводчики больше всего надрываются в середине зимы, когда лопаются трубы. Так что в основном ты торчишь, наклонившись над люком в минус пять градусов, бодро отмораживая себе яйца. Меня не хватило даже на неделю. Но меня сломил не холод. Меня выперли за то, что я воровал яблоки в обеденный перерыв.

Старые привычки дали о себе знать.

Моя следующая работа была менее претенциозной. Я устроился на промышленный завод недалеко от Астона. Там производили автомобильные запчасти, а я отвечал за большой чертов аппарат для удаления смазки. Тебе дают корзину с кучей деталей – проводов, пружин, рычагов и прочего, – ты кладешь их в бак с бурлящими химикатами, и они очищаются. Химикаты были токсичными, и наверху аппарата висел знак: «ОПАСНО! НИКОГДА НЕ СНИМАЙТЕ ЗАЩИТНУЮ МАСКУ. НИКОГДА НЕ НАКЛОНЯЙТЕСЬ НАД БАКОМ».

Помню, поинтересовался у кого-то, что в баке, и мне ответили, что это дихлорметан. Я подумал про себя: «Хм, интересно, можно ли словить приход от этой штуки?» И как-то раз снял маску и на секундочку наклонился над баком. Это было нечто: «*Ого-о-о-о-о-о!*» – как будто нюхаешь клей. Только, черт возьми, в сто раз сильнее. Так что я стал каждое утро нюхать дихлорметан – это было намного дешевле, чем ходить в паб. Потом стал делать это два раза в день. А затем три. А потом каждые долбаные пять минут. Проблема была в том, что, каждый раз, когда я туда наклонялся, мое лицо становилось черным и жирным от испарений. Ребята на заводе быстро догадались, что происходит. Я уходил на перерыв, а потом они видели мое лицо, покрытое этой черной дрянью, и говорили: «Ты что, опять торчал у обезжиривателя, да? Ты, на хрен, убьешь себя, приятель».

– О чем вы говорите? – отвечал я с невинным видом.

– Это же токсично, черт возьми, Оззи.

– Поэтому я никогда не снимаю защитную маску и *никогда* не наклоняюсь над баком, как написано на табличке.

– Брехня. Прекрати, Оззи. Ты убьешь себя.

Через несколько недель дошло до того, что я постоянно был не в себе и разгуливал по заводу, напевая песни. У меня даже начались галлюцинации. Но я продолжал нюхать – просто не мог остановиться. И в один прекрасный день я пропал. Меня нашли лежащим на баке без сознания. «Вызовите «неотложку», – сказал надзиратель. – И чтобы больше этого идиота я не видел».

Мои родители, когда узнали, что меня снова уволили, чуть с ума не сошли. Я продолжал жить в доме номер 14 на Лодж-роуд, и они ждали, что аренду мы наконец будем платить вместе, несмотря на то, что я старался проводить дома как можно меньше времени. Мама поговорила со своим начальником и устроила меня на работу на завод «Лукас», чтобы я хотя бы там был под присмотром. «Это отличная возможность научиться новому, Джон, – сказала она. – Большинство людей твоего возраста отдали бы правую руку на отсечение за такой шанс. Ты приобретешь очень полезный навык – станешь настройщиком автомобильных клаксонов».

У меня сердце в пятки ушло.

Настройщиком автомобильных клаксонов?

В те времена работяги рассуждали так: получаешь хоть какое-то образование, идешь в подмастерья, тебе дают дерьмовую работу, ты этим страшно гордишься, несмотря на то, что она дерьмовая. А потом занимаешься этой дерьмовой работой до гробовой доски. Твоя дерьмовая работа – это *всё*. Многие люди в Бирмингеме даже не доживали до пенсии. Они просто падали замертво прямо на пол завода.

Мне нужно было свалить на хрен, пока я не попался в этот капкан. Но я понятия не имел, как уехать из Астона. Попытался было эмигрировать в Австралию по специальной программе, но не смог оплатить сбор в 10 фунтов. Я даже пытался пойти добровольцем в армию, но меня не взяли. Парень в военной форме взглянул на мою рожу и сказал: «Извини, нам нужны люди, а не *вещи*».

Так что я пошел работать на завод. Своему другу Пэту я сказал, что теперь работаю в музыкальном бизнесе.

– Что ты имеешь в виду под музыкальным бизнесом?

– Настраиваю всякое, – туманно ответил я ему.

– Всякое какое?

– Не суй нос не в свое собачье дело!

На том обсуждение моей новой работы было закончено.

В первый день работы на заводе «Лукас» мастер привел меня в комнату со звукоизоляцией – в ней предстояло работать. Моя работа заключалась в том, чтобы брать автомобильные гудки с конвейерной ленты и класть в хитрый аппарат в форме колпака. Затем подключать их к

электрической сети и регулировать отверткой, чтобы раздавались звуки: «БИП, БУ-У, УИ-У, УР-Р, БИ-УП». И так 900 раз в день – столько автомобильных гудков требовалось настроить в соответствии с дневной нормой. Контролеры вели подсчет, поэтому каждый раз, когда гудок был готов, нужно было нажимать на кнопку. В одном помещении нас было пятеро, так что пять гудков бибикало и пищало, и верещало одновременно, с восьми утра до пяти вечера.

Когда выходишь из этой чертовой комнаты, то в ушах звенит так громко, что не слышно собственных мыслей.

Так проходил мой день.

Берешь гудок.

Подсоединяешь провод.

Настраиваешь отверткой.

БИП, БУ-У, УИ-У, УР-Р, БИ-УП.

Кладешь гудок обратно на ленту.

Нажимаешь кнопку.

Берешь гудок.

Подсоединяешь провод.

Настраиваешь отверткой.

БИП, БУ-У, УИ-У, УР-Р, БИ-УП.

Кладешь гудок обратно на ленту.

Нажимаешь кнопку.

Берешь гудок.

Подсоединяешь провод.

Настраиваешь отверткой.

БИП, БУ-У, УИ-У, УР-Р, БИ-УП.

Кладешь гудок обратно на ленту.

Нажимаешь кнопку. И по новой.

А мама глядела на меня с гордостью через смотровое стекло.

Но через несколько часов этого чертового бибиканья я начал сходить с ума. Я был готов убивать все живое. Поэтому стал нажимать на кнопку два раза за один гудок, надеясь уйти с работы пораньше. Что угодно, лишь бы выбраться из этой гребаной будки. Когда я смекнул, что это работает, то стал нажимать по три раза. Потом по четыре. Ну, а потом и по пять. Так я проработал несколько часов, а потом услышал треск и визг микрофона громкой связи откуда-то сверху. Конвейерная лента завибрировала и остановилась. Из громкоговорителя раздался сердитый голос:

«ОСБОРН. В КАБИНЕТ К НАЧАЛЬНИКУ! НЕМЕДЛЕННО!».

Начальству захотелось узнать, каким образом мне удалось настроить пятьсот клаксонов за двадцать минут. Я ответил, что, очевидно, кнопка неисправна. Но мне возразили, что, оно начальство, черт возьми, не вчера родилось, а единственная неисправность кнопки заключается в том, что на нее нажимает гребаный идиот. И, если я сделаю это еще раз, то меня вышвырнут отсюда на хер пинком под зад. Точка. Понятно? Я сказал: «Да, я понимаю», – и потопал назад в свою будку.

Берешь гудок.

Подсоединяешь провод.

Настраиваешь отверткой.

БИП, БУ-У, УИ-У, УР-Р, БИ-УП.

Кладешь гудок обратно на ленту.

Нажимаешь кнопку.

И так с утра и до вечера.

Изо дня в день.

После нескольких недель этой канители я решил завязать разговор с Гарри – пожилым мужчиной, который работал со мной.

– Сколько вы уже здесь работаете? – спросил я его.

– А?

– Сколько вы уже здесь работаете?

– Что ты там шепчешь, сынок?

– **СКОЛЬКО ВЫ УЖЕ ЗДЕСЬ РАБОТАЕТЕ?** – закричал я. Гарри, очевидно, полностью оглох от того, что каждый день слушал эти клаксоны.

– Двадцать девять лет и семь месяцев, – сказал он с улыбкой.

– Шутите.

– А?

– Ничего.

– Перестань шептать, сынок.

– **ЭТО ЧЕРТОВСКИ ДОЛГО, ГАРРИ.**

– Знаешь, что во всем этом самое приятное? – Я развел руками и помотал головой.

– Через пять месяцев я получу золотые часы. Выйдет, что я проработал здесь тридцать лет!

Когда я представил, что в этой комнате можно провести тридцать лет, мне захотелось, чтобы русские сбросили на нас бомбу и разом покончили с этим.

– Если вам так нужны золотые часы, – сказал я, – нужно было просто украсть их из долбаного ювелирного магазина. Даже если бы вас поймали, тюремный срок был бы в десять раз меньше, чем вы прозябали в этой вонючей дыре.

– Повтори, сынок?

– Ничего.

– А?

– **НИЧЕГО.**

На этом мое терпение лопнуло. Я бросил отвертку, ушел из будки, прошел мимо мамы, вышел на улицу и отправился напрямиком в ближайший паб. Так закончилась моя первая работа в музыкальной индустрии.

Мысль о том, чтобы найти настоящую работу в музыкальном бизнесе, казалась тогда какой-то идиотской шуткой. Это было так же невозможно, как стать космонавтом, каскадером. Или трахнуть Элизабет Тейлор. Но с тех самых пор, как я спел «Living Doll» на семейном концерте, у меня была мечта. Я хотел собрать свою группу. Какое-то время даже ходил и хвастался, что играю в коллективе под названием Black Panthers. Брехня. Моя «группа» представляла собой пустой футляр от гитары, на котором было написано «The Black Panthers» (я сам написал это эмульсионной краской, найденной в садовом сарае). Еще я говорил людям, что у меня есть собака по кличке Hush Puppy. На самом же деле это был ботинок, подобранный на помойке и привязанный на провод, как на поводок. Всё это было у меня в воображении. Я разгуливал по улицам Астона с пустым чехлом от гитары, таская за собой ботинок на проводе и представляя себя блюзовым музыкантом из Миссисипи. Неудивительно, что все вокруг думали, будто я окончательно спятил.

Когда я не проводил время со своей воображаемой группой и воображаемой собакой, то тусовался с тедди-боями⁷. К моменту моего взросления культура тедди-боев уже сходила на нет, так что я так и не поносил длинное пальто, ботинки на платформе и всё остальное дерьмо. Но мне нравилась музыка, которую они ставили на музыкальных автоматах. Несколько недель я ходил и пел песню «Hey Paula» дуэта Paul & Paula. Эти старые мелодии просто заслушаешься!

⁷ Тедди-бои (англ. Teddy Boys) – молодежная субкультура, существовавшая в 1950-е гг. в Великобритании.

Потом мне приглянулся стиль модов⁸ – их узкие мохеровые костюмы. Потом я переметнулся в рокеры, носил кожаные куртки и шипованные ремни. Так меня и носило туда-обратно. Я просто искал приключений. Чего угодно, лишь бы не работать на заводе.

Ну а потом появились битлы!

Внезапно эти четыре парня из Ливерпуля с прическами моп-топ заполнили радио- и телеэфир. С последней зарплаты на заводе «Лукас» я купил их вторую пластинку – альбом «*With the Beatles*».

Как только я принес его домой, всё изменилось.

Когда игла проигрывателя легла на диск, у меня в голове разлился свет. Этот альбом меня просто поглотил. Мелодии Леннона и Маккартни были похожи на какую-то магию. Они унесли меня из Астона в волшебный мир The Beatles. Я не переставая слушал эти четырнадцать песен (восемь оригинальных и шесть каверов, в том числе на песню Чака Берри «Roll Over Beethoven»). Возможно, вам покажется, что я преувеличиваю, но тогда мне впервые показалось, что жизнь обрела смысл. Я слушал и слушал эти мелодии по кругу на большой полированной отцовской радиоле, которая сочетала в себе радиоприемник и старомодный фонограф и выглядела настоящим предметом мебели, занимая почетное место у нас в гостиной. На катке «Silver Blades», куда я ходил, этот альбом включали через громкоговорители. Иногда я просто ходил с пластинкой под мышкой и чувствовал себя дико крутым! Вскоре я начал собирать всё, что хотя бы как-то было связано с битлами: фотографии, плакаты, открытки. *Вообще всё*. И развешивал всё это на стене в спальне. Братья не возражали – они тоже были без ума от The Beatles.

Но это не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило со мной.

Конечно, мне пришлось сэкономить немного денег, чтобы купить первый альбом The Beatles «*Please Please Me*». А когда вышел «*A Hard Day's Night*», я стоял первым в очереди в музыкальный магазин. Благодаря битломании я понял, что не хочется работать на заводе – это нормально. Ведь Джон Леннон и Пол Маккартни тоже не хотели работать на заводе! И они были такие же, как я – парни из рабочих семей, из провинциального полуразрушенного промышленного города. Единственная разница в том, что они из Ливерпуля, а не из Астона. А раз они играют в группе – значит, я тоже могу попробовать. Я был на восемь лет младше Леннона, на шесть лет младше Маккартни, и у меня было достаточно времени для того, чтобы прославиться. Проблема в том, что я понятия не имел, как это сделать. Я даже не знал никого, кто умеет играть на музыкальном инструменте. Кроме Тони Айомми, которого ни разу не видел после окончания школы. Поэтому я решил, что лучше отрастить волосы и набить себе татуировки. По крайней мере, это будет *выглядеть* соответствующе.

Волосы – это не проблема. А татуировки делать чертовски больно.

Сначала у меня на руке появился кинжал. Потом я научился делать татуировки сам при помощи иглки и туши. Всё, что нужно, – это взять крупную капельку туши на кончик иглки и воткнуть ее в кожу достаточно глубоко, чтобы тушь осталась внутри. В семнадцать лет я просидел целый день в парке Саттон – шикарном районе Бирмингема, – набивая буквы OZZY себе на пальцах. Вечером вернулся домой, чертовски довольный собой, но папа моей радости не поделил. Он побелел, увидев мои руки, и сказал: «Сынок, ты выглядишь как чертов идиот».

В 1964 году свершилось нечто невообразимое!

Я получил работу, которая мне нравилась.

Оказалось, что, несмотря на мои неудачи в освоении профессий сантехника, настройщика гудков, строителя и специалиста в области большой кучи других дерьмовых работ, у меня есть талант к убийству животных. Говорят, что после того, как среднестатистический человек

⁸ Мбды (англ. Mods) – британская молодежная субкультура, сформировавшаяся в конце 1950-х гг. и достигшая пика в середине 1960-х гг.

попадает на скотобойню, он становится вегетарианцем. Возможно, но только не я. Мне там удалось многому научиться. Например, очень быстро я узнал, что не бывает цыплят в форме наггетсов и маленьких коров в форме гамбургеров. Животные – это большие вонючие штуки. Думаю, любой, кто ест мясо, должен посетить скотобойню хотя бы раз в жизни – просто чтобы знать, что там происходит на самом деле. Это кровища, вонища и прочая хрень.

Бойня, куда меня взяли, находилась в Дигбете, одном из старейших районов Бирмингема. Моей первой обязанностью было выгребать рвоту. Я должен был разрезать кучу овечьих желудков в углу, один за другим, чтобы вынуть оттуда полупереваренную пищу. Весь первый день я блевал как сукин сын. И очень долго мне не становилось легче. Целый месяц я блевал примерно каждый час. У меня все мышцы в животе горели. Иногда товарищи по работе подшучивали надо мной и подсовывали желудок забракованного животного – например старой больной овцы, мясо которой нельзя было есть. Как-то я взял такой желудок, и он лопнул прямо у меня в руках – гной и кровь забрызгали мне лицо. Ребята почему-то посчитали, что это чертовски забавно.

Но потом скотобойня стала мне нравиться. Вскоре я привык к вони, неплохо зарекомендовал себя на первой должности, я пошел на повышение и меня назначили забойщиком коров.

Это была чертова работенка. Я хочу сказать только одно – если вас когда-нибудь лягнет корова, вы все поймете. Когда одна из них заехала мне по правому шару, я думал, что левый выйдет из меня с кашлем.

Процесс начинается с того, что группа из пяти-шести мужиков связывает корову и ведет ее в комнату смерти. Животное поднимается по рампе, а я жду его с пневматическим пистолетом в руках. Пистолет заряжен пустым картриджем, который создает достаточное давление, чтобы выстрелить большим гвоздем типа круглой стамески прямо корове в мозг. Он устроен так, чтобы животное не почувствовало боли – кроме того момента, когда огромный чертов гвоздь проходит через его голову. Для того, чтобы выстрелить из этого пистолета, нужно стоять прямо рядом с коровой. Но если животное взбесилось, то вырубить его с первого раза никак не получится. При этом ни тебе, ни животному деваться все равно некуда. Не могу сказать, сколько раз мне пришлось биться насмерть с коровами на этой скотобойне. В одного быка мне пришлось выстрелить раз пять или шесть, пока он не упал – чертовски сильно взбесился. В какой-то момент я даже решил, что сам закончу свои дни в булке с кетчупом.

Когда корову вырубili, ей связывают ноги и привязывают к движущейся рельсе, которая поднимает животное вверх ногами и везет дальше по линии переработки. Следующий работник перерезает ей горло, и кровь стекает в специальный желоб вниз. Так что в конце концов животное умирает от потери крови. Однажды корова всё еще находилась в сознании, когда я прицепил ее к рельсе, но я-то этого не знал. Пока буренка болталась вверх ногами, она умудрилась лягнуть меня копытом в зад так, что я полетел лицом вниз прямо в кровавый желоб. Когда меня вытащили, я был похож на что-то из фильма ужасов. Моя одежда пропиталась кровью, ботинки хлупали от нее, а волосы слиплись в ком. Да и нахлебался я этой жижи сполна.

Ведь по желобу течет не только кровь. В этой чертовой канаве еще много других неясных смердящих веществ. Я так провонял всем этим делом, что сидеть со мной в автобусе желающих не нашлось.

В Дигбете я занимал разные должности. Какое-то время специализировался на потрохах: вырезаешь у коровы желудок, кладешь его в большую тачку и замачиваешь на ночь. Поработал и «съемщиком каблуков» – отрезал коровам копыта. Потроха – это одно, но кто, черт возьми, будет есть чертовы копыта? Работал и забойщиком свиней. Говорят, что единственная часть свиньи, не пригодная к употреблению, – это ее визг, и это правда. Так или иначе, каждая часть этого животного становится продуктом. Моя работа заключалась в том, чтобы взять щипцы с губками на концах, намочить в воде, приложить к голове свиньи, нажать кнопку на ручке и убедиться, что животное вырубилось. И снова все это получалось у меня через раз, но всем

было насрать. Иногда ребята издевались над свиньями и зверствовали нещадно. Зло, которое там творилось, напоминало плохой день в Освенциме. Иногда свиней живьем бросали в чан с кипящей водой. Или животные всё еще оставались в сознании, когда их помещали в печь, где на спинах сгорала щетина. О многом, что произошло в тех стенах, сегодня я жалею. Забить свинью для хорошего барбекю – одно дело. Но нет оправдания жестокости, даже если ты скупающий соплик.

Если немного поработать на скотобойне, то на мясо начинаешь смотреть по-другому. Помню, как однажды на пикнике готовил стейки на барбекю. Ко мне подошли несколько коров с соседнего поля и стали принюхиваться, как будто поняли, что что-то не так. Готовить стейки мне тогда показалось очень странным. «Уверен, это не ваши родственники», – сказал я коровам, но они всё равно не свалили. В итоге они испортили весь ужин. Есть говядину в компании коровы как-то неправильно.

Но мне нравилась работа в Дигбете. Парни, с которыми я работал, были сумасшедшими и чертовски любили веселиться. К тому же после того, как забьешь всех запланированных животных, можно было идти домой. Так что, если начать пораньше, то можно освободиться к девяти-десяти утра. Помню, как по четвергам мы получали зарплату и сразу отправлялись в паб. Это было отличное место, чтобы устраивать мой любимый розыгрыш – бросать коровьи глаза людям в выпивку. Специально для этого я тайком приносил со скотобойни дюжину-другую. Больше всего мне нравилось найти молодую впечатлительную девчонку, дожидаться, когда она пойдет в туалет, и положить ей глаз на банку колы. Они были просто в шоке, когда видели это дерьмо. Однажды владелец заведения вышвырнул меня за то, что из-за такой шутки кто-то заблевал его ковер. Тогда я взял еще один глаз, и, стоя за дверью, разрезал его ножом. После этого ряды пьющих покинули еще два-три человека, но мне это, ясное дело, казалось сногшибательным приколом.

Еще одной достопримечательностью Дигбета был ночной клуб «Midnight City». Там играли соул, поэтому, когда паб закрывался, я, шатаюсь, выходил оттуда и шел в клуб танцевать до пяти утра, втрескавшись по полной дексамфетамином. А оттуда отправлялся снова на бойню – убивать коров. Так я проводил все выходные до вечера воскресенья, а потом снова возвращался в дом номер 14 на Лодж-роуд.

Это было волшебно.

На скотобойне я продержался примерно полтора года. После выгребания рвоты, убийства коров, подвешивания потрохов, отрезания копыт и оглушения свиней моей последней обязанностью было вырезать свиной жир. У животных есть так называемая жировая сетка, которая обволакивает желудок, – типа пивного живота, – и мне нужно было ее вырезать, растянуть и подвесить на ночь на столбы, чтобы просохла, а на следующее утро упаковать. Большая часть этого жира использовалась для изготовления женской косметики. Но прежде чем сушить жир, его нужно было промыть. Для этого был большой чан с кипящей водой, и хитрость состояла в том, чтобы очистить жир с помощью пара, затем помыть, положить на стойку и подвесить на растяжках.

Но парни на скотобойне не уставали подшучивать друг над другом. Например, когда ты наклоняешься над баком, они разрезали завязки на фартуке, и фонтан из крови и черт знает какого еще дерьма брызгал тебе прямо на одежду. Мне это быстро надоело, а один перец меня особенно бесил. И вот однажды я наклоняюсь над баком, а этот парень подкрадывается сзади и разрезает мне завязки на фартуке. Я, недолго думая, разворачиваюсь и бью его по голове столбом для просушки сала. Я просто потерял хладнокровие, приятель, пойми. Это была довольно жестокая сцена. Я ударил его несколько раз, так что парня всего в крови пришлось увезти в больницу.

На этом закончилась моя работа на скотобойне. «Вали на хрен и не вздумай возвращаться», – сказал начальник.

Вот так я стал Джоном-вором. О том, чтобы снова пойти на завод, даже речи не было. Сама мысль о Гарри, его золотых часах и двух фунтах в неделю была невыносима.

Но в Уинсон Грин мне преподали хороший урок. В этом адском месте даже час – очень долго, а уж три месяца... Первым делом я спросил у кого-то, что имели в виду надзиратели, говоря о душе и моих длинных волосах. Всю следующую неделю я умолял дать мне ножницы, чтобы не быть похожим на девчонку. Каждое утро в душе я стоял, плотно прижавшись спиной к стене и закрывая яйца рукой, настолько, черт возьми, мне было страшно. Если я ронял мыло, то просто оставлял его на гребаном полу.

Я не собирался никуда наклоняться.

Но я волновался не только о том, что меня поимеют. В этом месте человека могли убить просто за то, что он будет бесить кого-нибудь не того. Мордобой был делом повседневным, а я дрался как кусок дерьма. Поэтому я поступил так же, как с хулиганами на Берчфилд-роуд: нашел самого крупного и крутого ублюдка на спортплощадке и смешил его, вытворяя всякую херню.

Это было моим спасением.

В самой тюрьме всё было так, как я себе и представлял: лязгали двери, гремели ключи, на разных этажах сидели преступники всех мастей, и на каждом этаже был балкон, который выходил в середину здания. Меня посадили в «Крыло YP», которое предназначалось для малолетних преступников, а этажом выше располагались камеры предварительного заключения, в которых ждали суда или приговора убийцы, насильники, грабители банков, словом – нежелательные элементы всех мастей. В камеру могли пронести все что угодно. Пиво, сигареты и какое хочешь дерьмо – но выше всего ценился любой табак. Курение помогало убивать скуку, которая была твоим злейшим врагом. Даже старые сырые, обслюнявленные окурки стоили целое состояние.

Набивать себе татуировки – еще один способ скоротать время. Один из парней показал мне, как это делать без иголки и туши. Он нарисовал мне на руке изображение Святого шариковой ручкой – я был поклонником этого сериала еще с 1962 года, – а потом с помощью швейной булавки, которую стащил из мастерской, и расплавленной краски с решетки набил по рисунку татуировку.

После выхода из Уинсон Грин, я стал набивать себе татуировки повсюду. Я даже сделал себе по улыбающейся рожице на каждом колене, чтобы они веселили меня утром, пока я сижу на толчке. Еще в тюрьме меня научили делить спички. Они были дефицитным товаром, так что ребята придумали, как сделать из одной спички четыре, расщепив ее булавкой. Помню, как все время удивлялся – почему они до сих пор не стали миллионерами?

Мое самое яркое воспоминание об Уинсон Грин – это Брэдли. Он был известным педофилом, сидевшим в камере этажом выше моего крыла. Над его дверью висела табличка с надписью «ПРАВИЛО 43». Это означало, что с заключенным 24 часа в сутки должен находиться охранник, чтобы защитить его от других. Иначе при первой возможности остальные повесили бы педофила на ближайшем светильнике. Но надзиратели ненавидели Брэдли так же сильно, как и другие заключенные – он находился в предварительном заключении по семнадцати обвинениям в сексуальном насилии над детьми, в том числе над своими собственными, – и они делали всё, чтобы превратить жизнь насильника в ад. Как-то раз я видел, как один верзила с татуировкой змеи на лице выбивал из педофила душу, а охранники просто смотрели в сторону. Первый же удар наверняка сломал Брэдли нос. Он жевал собственную кровь, сопли и хрящи и, мать его, выл от боли.

В тюрьме меня поставили на раздаче харчей... Заключенным выдавали специальные подносы, разделенные на секции, в которые я, зачерпывая ложкой, шлепал заливные потроха, горох и другое отвратительное дерьмо, которое там готовили. Всякий раз, когда входил Брэдли,

дежурный охранник говорил мне: «Осборн, не давай ему ни хрена». Так что я ему почти ничего не накладывал. Брэдли приводили в столовую под конвоем, чтобы по пути с ним ничего не случилось, но это не всегда помогало. Помню, однажды ему несколько недель почти не давали еды, и он сказал парню на раздаче: «Пожалуйста, можно мне еще?» Парень уставился на него, а затем опустил большой тяжелый половник в кастрюлю, размахнулся и влепил им Брэдли по морде. Никогда не забуду звук, с которым этот чертов половник с кашей врезался Брэдли в голову. *Шмяк!* У него еще нос не успел зажить после прошлого нападения, и тут его расквасили снова. Брэдли плакал, кричал и шатался от боли, но охранник только ударил его по задку палкой и велел не задерживать очередь. Это было сильно.

После этого Брэдли отказывался выходить из камеры. Для охранников это стало проблемой, потому что по правилам тюрьмы нужно было каждый вечер обыскивать камеру, выносить парашу и натирать пол. Поэтому, когда начальник тюрьмы заметил, что Брэдли не выходит поесть, заорали все звонки-свистки, случился дикий кипеш. Я в это время был на кухне. Охранник подошел ко мне и еще одному парню и сказал: «Ты и ты, мне нужно, чтобы вы вытащили этот отвратительный кусок дерьма из камеры и отвели в душ и там начисто отдраили».

Не знаю, как долго Брэдли дали гнить в камере, пока не включили сигнализацию, но, судя по ее состоянию, прошло несколько дней. Ведро с парашей перевернулось, и повсюду были моча и дерьмо. Да и сам Брэдли был весь в дерьме. Мы вытащили его, отправили в холодную ванну и оттирали уличными метлами. Всё лицо у Брэдли почернело и опухло, на месте носа была каша, и он дрожал и плакал. К концу дня я уже испытывал жалость к этому парню. Говорят, педофилам легко живется в тюрьме. Поверьте мне, это не так. Я до сих пор удивлен, что Брэдли не покончил с собой. Может, он слишком трусил, а может, у него просто не было запасных лезвий.

Как-то, уже в конце своего срока в Уинсон Грин, я гулял по двору и вдруг увидел знакомого парня.

«Эй, Томми!» – крикнул я.

Томми поднял глаза, улыбнулся и пошел мне навстречу, куря сигарету и потирая руки, чтобы согреться.

– Оззи? – удивился он. – Черт побери, парень, это ты?

Томми работал со мной на скотобойне в Дигбете – был одним из тех парней, которые связывали коров перед тем, как я стрелял им в голову. Он спросил, на сколько меня упекли, и я рассказал, что мне дали три месяца, но за работу на кухне и помощь с Брэдли выпускают через полтора.

– За хорошее поведение, – сказал я. – А тебя на сколько?

– На четыре, – ответил он, затягиваясь.

– Недели?

– Года.

– Черт побери, Томми. Что ты сделал, ограбил королеву?

– Нет, всего лишь несколько забегаловок.

– И сколько ты украл?

– Ни черта, мужик. Но я взял пару сотен пачек сиг, шоколадных батончиков и всякой херни.

– Четыре года за сиги и шоколадки?

– Третий привод. Судья сказал, что я не усвоил урок.

– Черт побери, Томми.

Раздался свисток, и один из охранников велел нам пошевеливаться.

– Увидимся, Оззи.

– Увидимся, Томми.

Мой старик поступил правильно, не оплатив мой штраф. После Уинсон Грин я ни за что не хотел возвращаться в тюрьму, и не вернулся. Меня арестовывали, да. Но не сажали.

Хотя, надо признать, я был к этому близок.

Я не горжусь тем, что отбывал срок, но что было, то было, понимаете? Просто я, в отличие от других, не пытаюсь притворяться, что этого никогда не было. Если бы не те полтора месяца за решеткой, черт знает, во что бы я еще вляпался. Может, пошел бы той же дорогой, что мой приятель Пэт с Лодж-роуд, с которым мы воровали яблоки. Парень покатился по наклонной, связался с очень плохой компанией. Думаю, наркотики тоже сделали свое дело. Я не знал подробностей, потому что никогда не спрашивал. Когда я вышел, то практически перестал общаться с Пэтом, так как больше не хотел связываться со всякой херней. Но время от времени мы пересекались, выпивали, болтали. Он был хорошим парнем, приятель. Легко осуждать других людей, но Патрик Мерфи был действительно хорошим чуваком. Просто он несколько раз сделал неправильный выбор, а потом стало поздно. В итоге Пэт прошел по «королевскому свидетельству» – это значит, что тебе сокращают срок за то, что ты стучишь на более важного преступника. А потом, когда выходишь из тюрьмы, дают новые документы. Пэта поселили в Саутенде или где-то еще. Он находился под защитой полиции двадцать четыре часа в сутки. Но жена не выдержала и, не дождавшись его, подала развод. Пэт пошел в гараж, завел машину, подсоединил шланг к выхлопной трубе и вставил другой конец в водительское окно. Затем сел в машину и дождался, когда монооксид углерода не сделал свое дело.

Ему тогда только исполнилось тридцать.

Когда я узнал об этом, то позвонил его сестре Мэри и спросил, был ли Пэт пьян, когда совершил самоубийство. Она ответила, что у него в крови ничего не нашли: он был абсолютно трезв и сделал свой осознанный выбор.

В середине зимы 1966 года, когда я откинулся из тюрьмы. Какой же на улице был холод! Охранники пожалели меня и дали старую, воняющую рвотой куртку. Потом достали пакет с моими вещами и положили на стол. Бумажник, ключи, сигареты. Помню, как задумался, каково это – получить назад свои вещи через тридцать лет, будто это временная капсула из параллельной вселенной? Я подписал несколько бумаг, охранники отперли дверь, открыли ворота с колючей проволокой, и я вышел на улицу.

Я был свободным человеком, умудрился пережить тюремное заключение, меня не поимели в задницу и не избili до полусмерти.

Так почему же мне было так чертовски *грустно*?

2. Оззи Зиг ищет группу

Тук-тук.

Я просунул голову между штор в гостиной и увидел стоящего у двери парня с большим носом, длинными волосами и усами. Он был похож на нечто среднее между Гаем Фоксом и Иисусом из Назарета. *А это что, пара...?* Черт меня дери, да. Он был в *бархатных* штанах.

– ДЖОН! Открой дверь!

Своими криком мама могла разбудить половину астонского кладбища. С тех пор, как я вышел, она без устали пилила мне мозги. Каждые две секунды я слышал: «Джон, сделай то, Джон, сделай это». Но я не хотел сломя голову нестись открывать дверь. Мне нужно было собраться с мыслями и взять себя в руки. Этот парень выглядел серьезно.

Вдруг что-то важное.

Тук-тук.

– ДЖОН ОСБОРН! *ОТКРОЙ ЧЕРТОВУ...*

– Открываю! – Я протопал по коридору, отодвинул защелку на двери и дернул за ручку.

– Ты... Оззи Зиг? – спросил Гай Фокс с сильным бирмингемским акцентом.

– А кто спрашивает? – поинтересовался я, скрестив руки.

– Терри Батлер, – ответил он. – Я по объявлению.

Как раз то, что я мечтал услышать. По правде говоря, я долго ждал этого момента. Я мечтал о нем. Я его себе представлял. Я разыгрывал сам с собой воображаемые диалоги. Когда-нибудь, думал я, люди будут писать статьи в газетах о моем объявлении на окне магазина «Ringway Music» и утверждать, что это был поворотный момент в жизни Джона Майкла Осборна, который раньше работал настройщиком автомобильных клаксонов. «Расскажите мне, мистер Осборн, – спросит меня Робин Дей на «BBC», – когда вы росли в Астоне, вы думали, что простое объявление на окне музыкального магазина приведет к тому, что вы станете пятым участником группы The Beatles, а ваша сестра Айрис выйдет замуж за Пола Маккартни?» – а я отвечу: «Да ни в жизнь, Робин, ни в жизнь».

Это было чертовски классное объявление. «OZZY ZIG NEEDS GIG»⁹, – говорилось в нем большими буквами, написанными фломастером. Внизу я подписал: «Опытный фронтмен со своей акустической системой и усилителем», – и адрес (Лодж-роуд, 14), по которому меня можно найти с шести до девяти вечером по будням. Если только в это время я не в пабе и не выклянчиваю у кого-нибудь выпивку. Или на катке «Silver Blades». Или еще где-нибудь.

Телефона в те времена у нас не было.

Даже не спрашивайте, откуда взялось «Зиг» в прозвище «Оззи Зиг». Просто в один прекрасный день пришло в голову. Выйдя из тюрьмы, я всё время придумывал новые способы раскрутки в качестве вокалиста. Вероятность, что у меня получится, была один к миллиону – и это оптимистичный прогноз. Но меня устроило бы все, что угодно, лишь бы избежать судьбы Гарри с его золотыми часами. Кроме того, такие группы как Move, Traffic и Moody Blues доказали, что, для того, чтобы добиться успеха, необязательно быть родом из Ливерпуля. Говорили, что стиль brumbeat станет новой силой после merseybeat.

Не буду делать вид, что помню весь разговор со странным парнем в бархатных штанах, который появился у меня на пороге в тот вечер, но почти уверен, что было примерно так.

– Так у тебя есть для меня группа, Теренс?

– Ребята зовут меня Гизер¹⁰.

– *Гизер? То есть Хрыч?*

⁹ «Оззи Зиг ищет группу». – Прим. пер.

¹⁰ «Geezer», англ. «старый хрыч». – Прим. пер.

– Ага.
– Шутишь?
– Нет.
– Как в песне «Этот вонючий чудак только что наложил в штаны»?
– Очень смешная шутка для человека, который называет себя «Оззи Зиг». А что это у тебя за пушок на голове, чувак? Как будто ты пострадал от газонокосилки. Нельзя же выходить на сцену *в таком виде*.

Я обрил голову, когда считал себя модом, но потом снова стал рокером и теперь снова отращивал волосы. Честно говоря, я и так стеснялся, поэтому мне не понравилось, что Гизер это заметил. Я хотел было ответить шуткой про его огромный шнобель, но в итоге подумал лучше и просто спросил: «Так у тебя есть группа или нет?»

– Слышал про Rare Breed?
– Конечно, слышал. Вы ребята со стробоскопом и таким хиппи с бонго или чем там, да?
– Да, это мы. И мы только что потеряли вокалиста.
– Правда?
– В объявлении написано, что у тебя есть акустическая система с усилителем, – сказал Гизер, перейдя к делу.
– Верно.
– Ты раньше пел в каких-нибудь группах?
– Ну, ясный хер.
– Тогда ты нанят.

* * *

Так я и познакомился с Гизером.

По крайней мере, так я это помню. Я тогда был сварливым маленьким ублюдком. Таким становишься, когда ждешь прорыва. Я стал очень беспокойным парнем: многое из того, что раньше никогда не волновало, стало выводить меня из себя. Например, жить с родителями в доме номер 14 на Лодж-роуд. Сидеть без денег. Не играть в группе.

И все эта хипповая тряхомудия, которую, когда я вышел из Уинсон Грин, крутили по радио, ужасно выводила меня из себя. Придурки-школяры в рубашках поло ходили и покупали песни типа «San Francisco (Be Sure to Wear Some Flowers in Your Hair)¹¹». *Ну, какие цветы в волосах?* Сделайте мне одолжение, мать вашу, заткнитесь!

Это дерьмо даже начали играть в астонских пабах. Сидишь себе среди местных забулдыг с кружкой пива, с сигаретой и маринованным яйцом на закуску в обшарпанной дыре с желтыми стенами. Каждые пять минут, шатаясь, ходишь ссать, все вокруг уставшие до изнеможения, на мели и умирают от отравления асбестом или еще каким дерьмом, которым дышат каждый день на работе. И вдруг ни с того ни с сего слышишь это хипповое дерьмо о «добрых людях», которые собираются на оргии в Хейт-Эшбери, где бы это чертово Хейт-Эшбери ни находилось!

Кого вообще хоть как-то колышет, чем занимаются люди в Сан-Франциско, а? Единственные цветы, которые видели люди в Астоне, это те, что кидают в могилу на гроб умершего, который очурился у станка в возрасте пятидесяти трех лет.

Я просто ненавидел эту двинутую хипповскую бредятину.

Чувак, как же я это ненавидел.

Однажды одна из этих песен звучала в пабе, в тот момент, когда там началась драка. Помню, какой-то парень схватил меня за шею и пытался выбить зубы, а я слышал, как в музыкальном автомате играет эта чертова *песня* на чертовом гlockenшпиле, а какой-то урод с голо-

¹¹ «Сан-Франциско: убедитесь, что у вас в волосах цветы». – Прим. пер.

сом, как будто у него яйца застряли в тисках, вещает про «странные вибрации». Тем временем парень вытаскивает меня на улицу и бьет по щам. Я чувствую, как у меня опухает глаз, из носа идет кровь, я пытаюсь уйти от удара и прислать ублюдку в ответ, лишь бы он отвалил, вокруг нас собираются парни и орут: «КОНЧАЙ ЕГО, КОНЧАЙ ЕГО». А потом *ДЫ-Ы-Ы-ДЫ-Ы-Ы-Ы-Ы-ЫЩ!*

Открываю глаза и обнаруживаю, что лежу наполовину без сознания в куче разбитого стекла, ошметков плоти, вырванных из моих рук и ног. Мои джинсы и джемпер разорваны в клочья, люди кричат, повсюду кровь. Каким-то образом во время драки мы оба потеряли равновесие и упали спиной назад прямо в стеклянную витрину магазина. Боль была невероятная. Потом я увидел рядом с собой отрезанную голову и чуть не обделался. К счастью, это оказался один из манекенов с витрины, а не *настоящая голова*. Послышались звуки сирены, и всё почернело.

Почти всю ночь я провел в больнице, где меня зашивали. Стеклом мне отрезало столько кожи, что вместе с ней ушла половина татуировки, а врачи сказали, что шрамы на голове останутся на всю жизнь. Но это не проблема, если, конечно, я не облысею или не захочу побриться налысо. Помню, как на следующий день в автобусе по дороге домой я напевал мелодию «San Francisco» и думал, что мне нужно написать свою собственную чертову антихипповую песню. Я даже название придумал: «Aston (Be Sure to Wear Some Glass in Your Face)»¹².

Самое смешное, что я никогда особо не умел драться. Лучше быть живым и трусом, чем мертвым, но героем – вот мой девиз. Но почему-то в юности постоянно попадал в какие-то передражки и потасовки. Должно быть, я просто выглядел так, будто хочу получить по физиономии. Последняя большая драка была у меня в другом пабе недалеко от Дигбета. Понятия не имею, как она началась, но помню, что по всему пабу летали стаканы, пепельницы и стулья. Я и так был зол, поэтому когда какой-то парень упал на меня, то как следует пихнул его обратно. Но он поднялся с пола, ярко покраснел и сказал мне: «Ты ведь не хотел этого делать, дорогуша».

– Что делать? – спросил я, сделав невинное лицо.

– Не играй со мной в эту чертову игру.

– Тогда как насчет другой игры? – сказал я и попытался прислать ублюдку в рыло.

Это было бы круто, если бы не два факта: во-первых, когда я замахивался, то упал, а во-вторых, этот деятель был копом не при исполнении. Следующее, что я помню, как лежу на полу лицом вниз, во рту у меня ковер, и я слышу голос сверху: «Ты только что совершил нападение на офицера полиции, маленький придурок. Ты попал».

Как только я это услышал, то вскочил и дал стрекача. Но лягавый рванул за мной и с помощью какого-то приема из регби подсек меня, из-за чего я с разбегу рухнул прямо на тротуар. Через неделю я сидел в суде с распухшей губой и двумя фингалами. К счастью, штраф составил всего пару фунтов, которые я, хоть и с трудом, но смог наскрести. Но это заставило меня задуматься: неужели я правда хочу вернуться в тюрьму?

На этом драки закончились.

Когда мой старик узнал, что я хочу петь в группе, он предложил помочь купить акустическую систему с усилителем. По сей день я понятия не имею, почему он решил это сделать: ему едва хватало на то, чтобы прокормить семью, чего уж говорить о том, чтобы выложить 250 фунтов за усилитель и пару колонок. Но в те времена называть себя вокалистом, если у тебя не было своей акустической системы было стремно. С таким же успехом можно было пытаться стать барабанщиком, не имея ударной установки. Даже мой старик это знал. И привел меня в музыкальный магазин «George Clay's» рядом с ночным клубом «Rum Runner» в Бирмингеме, где мы выбрали 50-ваттный «Vox». Надеюсь, отец знал, как благодарен я был ему за это, хотя и не выносил той музыки, которую любил я.

¹² «Астон: убедитесь, что у вас из рожи торчит стекло». – Прим. пер.

Отец сказал: «Позволь сказать тебе кое-что о The Beatles, сынок. Их надолго не хватит. У них нет *мелодий*. Не получится исполнять этот шум в пабе».

Сказать, что он меня изумил – не сказать ничего! Это у Beatles «нет мелодий». А «Taxman»? А «When I'm Sixty-four»? Надо быть глухим, чтобы не оценить их! Я просто не мог понять, что с отцом *не так*. Но после того, как он выложил 250 фунтов за аппарат, согласитесь, спорить было бы несколько неуместно.

Как только люди узнали, что у меня есть собственная акустическая система, я тут же превратился в Мистера Популярность. Первая группа, в которую меня пригласили, называлась Music Machine, и лидером в ней был парень по имени Мики Бриз.

«Амбициозные» – неподходящее слово для того, чтобы описать участников нашего коллектива. Пределом наших мечтаний было играть в пабе и зарабатывать себе на пиво. Проблема была в том, что, для того, чтобы играть в пабе, нужно уметь играть. Но нам никогда не приходило в голову учиться играть, потому что мы постоянно торчали в пабе и болтали о том, как однажды будем играть в пабе и заработаем себе на пиво. Группа Music Machine так и не дала ни одного концерта, насколько я помню.

Через несколько месяцев движения в никуда мы наконец что-то сделали – поменяли название. Music Machine стала называться The Approach. Но ничего не изменилось. Всё, чем мы занимались, – это бесконечно настраивались, потом я начинал петь высоким голосом, а остальные пытались вспомнить аккорды какого-нибудь избитого кавера. Я шутил, что по мне сразу видно, что на мне сказались работа на скотобойне, потому что убивать такие песни, как «(Sitting on the) Dock of the Bay», мне удавалось с особенной легкостью. Но, по крайней мере, я хотя бы попадал в ноты. Высокие тона мне удавалось брать, не выбивая окон и не провоцируя местных котов спариваться со мной. А это уже хорошее начало. То, чего мне не хватало в технике, я компенсировал энтузиазмом. Еще со школьных времен на Берчфилд-роуд я знал, что умею заводить людей, но для этого мне нужно было выступать. А The Approach едва удавалось собраться на репетицию, что уж тут говорить о концерте.

Вот почему я повесил объявление в магазине «Ringway Music». Магазин находился в «Bull Ring» – бетонном торговом центре, который только что построили в центре Бирмингема. С самого начала это здание было куском уродства. Туда можно было попасть только по подземным переходам, где воняло мочой, шныряли грабители и дилеры и постоянно тусовались бомжи.

Но это никого не волновало: «Bull Ring» стал новым местом для встречи с друзьями, так что люди туда ходили.

Лучшее, что там было, это магазин «Ringway Music», где продавалось примерно то же, что и в «George Clay's». Около него торчали круто одетые ребята, курили, ели чипсы и спорили о музыке, которую слушали. Нужно вписаться в эту толпу, подумал я, и всё сразу получится. Так что я написал объявление и через несколько недель ко мне в дверь постучал Гизер.

Он оказался не таким уж обычным парнем, этот Гизер. Начнем с того, что он никогда не использовал нецензурную лексику. Вечно утыкался в какую-нибудь книжку о китайской поэзии, древнегреческом военном деле или еще каком-нибудь сложном дерьме. А еще не ел мясо. Единственный раз, когда я видел, что Гизер прикоснулся к мясу, это когда мы застряли в Бельгии и подышали от голода. Кто-то дал ему хот-дог. На следующий день он оказался в больнице. Мясо у этого парня просто не переваривалось – поэтому он не из тех, кто любит старые добрые бутерброды с беконом. Когда мы познакомились, Гизер курил много дури и нес всякую чушь. Идешь с ним в клуб, а он начинает говорить о червоточинах в вибрации сознания или еще какой гребаной упоротой херне. Еще у Гизера были проблемы с чувством юмора, поэтому я всё время клоунничал, стараясь заставить его рассмеяться – ведь только тогда мне становилось комфортно, и мы могли ржать часами напролет.

Гизер играл в группе Rare Breed на ритм-гитаре и был в этом совсем неплох. Но, что еще более важно, он прекрасно вписывался в музыкальную тусовку со своей прической Иисуса и усами Гая Фокса. А еще Гизер сам зарабатывал на модные шмотки. Он учился в гимназии, поэтому получил настоящую работу бухгалтера-стажера на одном из заводов. Платили ему хреново, но он всё равно зарабатывал больше меня, хотя и был на год младше. И сливал почти все деньги на шмотки. Он был стильным, ничто не могло быть для него чересчур. Гизер приходил на репетиции в лаймово-зеленых клешах и серебристых сапогах на платформе, а я смотрел на него и думал: «Как вообще можно облачаться в *такой* прикид?»

Хотя я и сам не был особо консервативен в одежде. Вместо рубашки у меня была старая пижама, а вместо ожерелья – водопроводный кран на струне. Очень непросто выглядеть как рок-звезда, когда у тебя ни черта нет денег. На помощь приходило воображение. И я никогда не носил ботинки – даже зимой. Люди спрашивали, откуда я беру вдохновение для «своего модного образа», а я отвечал: «Из жизни грязного нищего ублюдка, который никогда не моется».

Большинство людей, глядя на меня, считали, что я сбежал из дурки. А вот когда они смотрели на Гизера, то думали: готов спорить, он играет в группе. У Гизера было всё. Он настолько умный парень, что мог бы иметь свою фирму с табличкой: «ООО Гизер и Гизер». Но самое впечатляющее, что он писал тексты к песням: чертовски сильные тексты о войнах, о супергероях, черной магии и куче всего мозговзрывательного. В первый раз увидав их, я сказал: «Гизер, нам пора начать писать свои песни с этими словами. Они потрясающие».

Мы с Гизером крепко сдружились. Никогда не забуду, как однажды весной или летом 1968 года мы с ним гуляли по «Bull Ring», как вдруг из ниоткуда появляется парень с длинными вьющимися светлыми волосами и в самых узких в мире штанах и хлопает Гизера по спине.

– Чертов Гизер Батлер!

Гизер повернулся и сказал: «Роб! Как ты, чувак?»

– Ой, знаешь... могло быть и хуже.

– Роб, это Оззи Зиг, – сказал Гизер. – Оззи, это Роберт Планта – он раньше пел в Band of Joy.

– Ах да, – сказал я, узнав его. – Я был на одном вашем концерте. Чертовски потрясающий голос, чувак.

– Спасибо, – ответил Планта, озарив меня широкой очаровательной улыбкой.

– Ну, чем занимаешься? – спросил Гизер.

– Раз уж ты спросил, мне предложили работу.

– Круто. В какой группе?

– The Yardbirds.

– Ого! Поздравляю, мужик. Это круто. Но разве они не распались?

– Ага, но Джимми – знаешь, гитарист Джимми Пейдж – хочет играть дальше. И басист тоже. И у них есть контрактные обязательства в Скандинавии, поэтому они хотят продолжать.

– Здорово, – сказал Гизер.

– Если честно, я не уверен, что буду петь в этой группе, – признался Планта, пожимая плечами. – У меня еще кое-что хорошее намечается, понимаешь? На самом деле я только что собрал новую группу.

– О, э... круто, – сказал Гизер. – Как называется?

– Hobbstweedle, – ответил Планта.

Потом, когда Планта ушел, я спросил Гизера, не поехала ли у парня крыша.

– Он что, серьезно собирается отказаться выступать с Джимми Пейджем ради этой «Хоббстхерни»? – спросил я.

Гизер пожал плечами.

– Думаю, он просто волнуется, что у него не получится, – ответил он. – Но у него получится, если сменить название. Они же не могут вечно называть себя новыми Yardbirds.

– Уж лучше, чем гребаный Hobbstweedle.

– Верно.

Когда идешь с Гизером, то встретить кого-то вроде Роберта Планта – раз плюнуть. Кажется, он знает вообще *всех*. Он был частью этой толпы крутых ребят, поэтому ходил на правильные вечеринки, принимал правильные наркотики, тусовался с теми, кто по-настоящему крут. С ним я открыл для себя новый мир, и мне нравилось быть частью этого мира. Тем не менее над нами висела одна большая проблема: группа Rare Breed была полным дерьмом. По сравнению с нами Hobbstweedle казались гребаными The Who. Когда я пришел в группу, ребята были «эксперименталистами»: терзали всякий психоделический сценический реквизит и стробоскоп так, будто хотели стать новыми Pink Floyd.

Нет ничего плохого в том, чтобы пытаться стать новыми Pink Floyd – позднее я иногда закидывался парой таблеток кислоты и слушал «Interstellar Overdrive», – но к успеху мы так и не пришли. Pink Floyd играли музыку для богатеньких студентов колледжей, а мы были им прямой противоположностью. У Rare Breed не было будущего, и мы с Гизером об этом знали. Репетиции представляли собой один длинный спор о том, когда начинается соло на бонго. Хуже всего то, что в группе не было порядка. У нас был один парень, который называл себя Бриком¹³ и воображал, что он какой-нибудь хиппи из Сан-Франциско.

– Брик – мудака, – говорил я Гизеру.

– Ой, да всё с ним нормально.

– Нет, Брик – *мудака!*

– Угомонись, Оззи.

– *Мудака* он, этот Брик.

И так по кругу.

С остальными участниками группы я ладил. Но из-за Брика и того, что он всё больше меня бесил, у Rare Breed просто не было шансов. Спустя какое-то время даже Гизер стал выходить из себя.

Единственный концерт, который я помню с тех времен и думаю, что это происходило с Rare Breed (возможно, и под другим названием – тогда они менялись очень часто), – это выступление на рождественской вечеринке бирмингемской пожарной части. Зрителями были двое пожарных, ведро и приставная лестница. Мы заработали денег наполовину разбавленного пива на шестерых.

Но этот концерт произвел на меня впечатление, потому что тогда я впервые в жизни испытал боязнь сцены.

Черт побери, приятель, я готов был обоссаться.

Сказать, что я нервничал перед выступлением, – всё равно, что говорить, будто атомный взрыв – это немножко больно. Я, черт возьми, полностью оцепенел, когда выходил на сцену. Я вспотел. Во рту было суше, чем на мормонской свадьбе. Ноги онемели. Сердце стучало. Руки дрожали. Я буквально сам себя довел. В жизни не испытывал ничего подобного. Помню, как выпил перед выступлением пол-литра пива, чтобы успокоиться, но это не помогло. Я бы выпил литров десять, если бы денег хватило. В итоге прохрипел пару песен, а потом накрылась одна из колонок. И мы свалили домой. Я не рассказал своему старику про колонку, просто поменял сгоревший динамик на рабочий из его радиолы.

Сказал себе, что куплю ему новую, когда получу работу. А было очень похоже на то, что мне придется искать работу, потому что, судя по концерту в пожарной части, карьера в музыкальной индустрии мне не светила.

¹³ «Brick», англ. «кирпич». – Прим. пер.

Через пару дней я решил завязать с пением.

Помню, как сказал Гизеру в пабе: «С меня довольно, чувак, это ни к чему не приведет».

Гизер нахмурился, стал перебирать пальцами. А потом печально произнес: «Мне на работе предложили повышение. Я буду третьим по значимости сотрудником бухгалтерии».

– З-значит, это конец, да? – сказал я.

– Похоже, что так.

Мы допили, пожали друг другу руки и пошли каждый своей дорогой.

– Увидимся, Гизер, – сказал я.

– Не волнуйся, увидимся, Оззи Зиг.

Тук-тук.

Я просунул голову между штор в гостиной и увидел какого-то странного парня с длинными волосами и усами, который стоял у двери. Это что еще, на хрен, за *дежавю*? Но нет. Несмотря на длинные волосы и усы, парень был совсем не похож на Гизера. Он выглядел как... бездомный. Рядом с ним стоял еще один парень – с длинными волосами и приподнятой, как у хорька, верхней губой. Но он был повыше и немного похож на... Нет, не может быть. Только не *он*. Позади них на улице стоял старый синий фургон «Коммер» с огромной ржавой дырой над колесной аркой и потертой надписью «Mythology» на боку.

– ДЖОН! Открой дверь!

– Открываю!

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я ушел из Rare Breed. Мне стукнуло двадцать, и я оставил надежду стать вокалистом группы или хотя бы выбраться из Астона. Со своим аппаратом или без него – это всё равно не произойдет. Я убедил себя, что нет смысла даже пытаться, потому что у меня всё равно не получится. Как не получалось со школой, с работой и со всем, за что я брался... «Из тебя не выйдет вокалиста, – говорил я себе. – Ты даже на инструменте не умеешь играть, на что тебе надеяться?» Так что дом номер 14 на Лодж-роуд превратился в крепость жалости к себе. Я уже поговорил с мамой о том, чтобы она снова попробовала устроить меня на завод «Лукас». Она обещала посмотреть, что можно сделать. А еще я попросил владельца «Ringway Music» снять мое объявление «Оззи Зиг ищет группу». Идиотское имя, черт возьми, – Гизер был прав. Так что не было никакого объяснения тому, почему два волосатых парня стоят у меня на крыльце в девять вечера во вторник. Может, это приятели Гизера? Они как-то связаны с Rare Breed? Ничего не понятно.

Тук-тук. Тук-тук.

Тук-тук-тук-тук.

Я отодвинул защелку и открыл дверь. Неловкое молчание. Потом тот, что пониже и погрязнее, спросил: – Ты... Оззи Зиг?

Прежде, чем я смог ответить, тот, что повыше, наклонился вперед и, прищурившись, уставился на меня. Теперь я точно вспомнил, кто это. И он тоже меня узнал. Я замер. Он закрыл дверь. «Ой, черт возьми, – сказал он. – Это же *ты*».

Я не мог в это поверить. У меня на пороге стоял Тони Айомми: красавчик, который учился на год старше на Берчфилд-роуд. Тот, что однажды принес в школу электрогитару, которую ему подарили на Рождество, после чего учителя лезли на стену от шума. Я не видел его около пяти лет, но много слышал. После окончания школы Тони стал легендой Астона. Все ребята знали, кто он такой. Если и хочешь играть с кем-то в группе, то это с Тони. К сожалению, обоюдных чувств он ко мне не испытывал.

– Ладно, Билл, – сказал он парню, похожему на бомжа. – Мы только время теряем. Пойдем.

– Погоди, – сказал Билл. – Кто это такой?

– Скажу тебе одно: его зовут не Оззи Зиг. И он не вокалист. Его зовут Оззи Осборн, и он идиот. Давай, валим отсюда.

– Подождите минутку, – вмешался я. – Откуда вы узнали этот адрес? Откуда вы узнали про Оззи Зига?

– «Оззи Зиг ищет группу», – пожал плечами Билл.

– Я просил их снять это объявление несколько месяцев назад.

– Тогда сходи и попроси еще раз, потому что оно висело там сегодня.

– В «Ringway Music»?

– На витрине.

Я старался не выглядеть слишком довольным.

– Тони, – сказал Билл, – почему нам не дать этому парню шанс? Он вроде нормальный.

– Дать ему шанс? – Тони уже потерял терпение. – Он был школьным шутком! Я не буду играть в группе с этим гребаным идиотом.

Я не придумал, что сказать, поэтому просто стоял, уставившись в землю.

– На безрыбье и рак рыба, Тони, – прошипел Билл. – Поэтому мы и здесь, так?

Но Тони только фыркнул и отправился обратно к фургону.

Билл покачал головой и пожал плечами, как бы говоря: «Прости, приятель. Но я ничего не могу сделать». Похоже было, что все этим и кончится. Но вдруг что-то привлекло мое внимание. Правая рука Тони. С ней было что-то не так.

– Черт поberi, Тони, – сказал я. – Что у тебя с пальцами, чувак?

Оказалось, я был не единственным, кому нелегко давалась работа после окончания школы в 15 лет. Пока я травился дихлорметаном у аппарата для удаления смазки, Тони работал подмастерьем у обработчика листового металла. Позднее он рассказал мне, что даже научился пользоваться электрической сваркой.

Гребаная смертельная штука, эта сварка. Самая большая опасность – подвергнуться ультрафиолетовому излучению, которое, моргнуть не успеешь, буквально расплавит тебе кожу или прожжет дыру в глазу. А еще можно умереть от удара током или отравиться токсичными веществами, которыми обрабатывают листы против ржавчины. Днем Тони занимался сваркой, а по вечерам играл в клубе в группе под названием Rocking Chevrolets и ждал своего большого прорыва. Он всегда был талантлив, но благодаря ежедневной зубрежке всех песен Чака Берри, Бо Диддли и Эдди Кокрана стал просто настоящим мастером. В конце концов его заметил какой-то агент и предложил постоянную работу в группе в Германии, так что Тони решил бросить работу на заводе. Он думал, что у него наконец все пошло как по маслу.

Как бы не так.

В последний день работы в мастерской парень, который должен был прессовать и резать металл перед сваркой, не явился на смену. Так что Тони пришлось делать это самому. До сих пор точно не знаю, что произошло – Тони не умел как следует пользоваться аппаратом, или тот был сломан, или еще что-то, – но гребаный тяжелый металлический пресс обрубил ему кончики среднего и безымянного пальцев на правой руке. У меня до сих пор мурашки по коже, когда я об этом думаю. Представьте себе эту ужасную сцену: кровища, вой, Тони ползает по полу, пытаюсь найти кончики пальцев, а потом врачи «Скорой» сообщают ему, что он больше не сможет играть. Тони левша, так что правой рукой он держит гриф. За следующие несколько месяцев он обращался к десяткам специалистов, и все говорили одно и то же: «Сынок, твой рок-н-ролл окончен. Точка. Найди себе другое занятие». Должно быть, он думал, что все действительно кончено. Для меня это было бы все равно, что получить пулю в горло.

После этого случая Тони погрузился в ужасную депрессию. Не знаю, как он поднимался с постели по утрам. Потом в один прекрасный день бывший бригадир принес ему запись Джанго Рейнхардта, цыганского гитариста-виртуоза из Бельгии, который исполнял все свои произведения двумя пальцами покалеченной руки – остальные пальцы были обожжены при пожаре.

И Тони решил, что, если получилось у старика Джанго, то и у него получится. Сначала он пытался играть правой рукой, но из этого ничего не вышло.

Потом снова начал играть левой рукой, зажимая гриф всего двумя пальцами, но безуспешно. Наконец Тони сообразил, что делать. Из расплавленной бутылки от моющего средства он сделал пару наперстков для обрубленных пальцев, отшлифовал их, чтобы они были примерно того же размера, что и прежние пальцы, и приклеил к ним кожаные подушечки, чтобы как следует зажимать струны. А сами струны немного ослабил, чтобы не нужно было слишком сильно прижимать.

И затем стал заново учиться играть на гитаре, несмотря на то, что двумя пальцами ничего не чувствовал. Я до сих пор не понимаю, как Тони это делает. Он всюду носит с собой сумку с самодельными наперстками и кожаными подушечками и держит под рукой паяльник, чтобы их регулировать. Каждый раз, когда я смотрел, как он играет, меня поражало, сколько же ему пришлось преодолеть. За это я ужасно уважал Тони и буквально благоговел перед ним. Кроме того, это происшествие по-своему помогло ему в жизни, потому что, когда Тони учился играть по-новой, то выработал свой уникальный стиль, который никому не удастся повторить. Хотя, черт побери, пробовали многие!

После того несчастного случая Тони играл в группе под названием The Rest. Но к этой команде душа у него не лежала. Тони считал, что шумиха вокруг брамбита – полная чушь, и хотел уйти, поэтому, когда получил приглашение на прослушивание в группу Mythology в Карлайле, у него только пятки засверкали. Заодно Тони убедил вокалиста The Rest поехать с ним. Как только Mythology увидели этих двоих на сцене, то сразу же подписали с ними контракт. Потом, через пару месяцев, из Mythology ушел барабанщик и Тони позвал своего старого приятеля Билла Уорда из Астона, который с радостью согласился.

Я ни разу не был на концерте Mythology, но говорят, что они взрывали залы всюду, куда бы ни приехали: у группы было грязное, тягучее, блюзовое звучание, и они играли каверы на Buffalo Springfield, The Jimi Hendrix Experience и John Mayall & the Bluesbreakers – в которой гитаристом был Эрик Клэптон. Тот самый, который только что ушел из Yardbirds и предоставил Джимми Пейджу возможность совершить свой большой прорыв. Наступила классическая эпоха рок-н-ролла, и Mythology уверенными шагами шли к славе. Они быстро нашли себе множество поклонников в Камберленде, всюду собирали аншлаги и играли на разогреве у таких артистов, как Гэри Уолкер из Walker Brothers. Но потом начались проблемы с законом. Это часто случалось с теми, у кого длинные волосы, усы и узкие кожаные штаны. Из того, что я слышал, впервые Mythology влипли за то, что вместо того, чтобы оплатить дорожный сбор и наклеить на фургон соответствующую наклейку, они приклеили на это место этикетку от бутылки эля «Newcastle Brown Ale». В следующий раз дело пошло дальше, и это их просто добило. Их наркодилера – студента из Лидса, – повязали. Копы составили список клиентов этого парня, получили ордер на обыск и обыскали квартиру ребят из Mythology в Комптоне в Карлайле. Плохие были у них дела, приятель.

Всех четверых участников группы закрыли за хранение марихуаны. Сегодня это, должно быть, не так страшно, но в те времена это были кранты. Не столько из-за наказания – они все признали свою вину и были оштрафованы всего на пятнадцать фунтов каждый, – сколько из-за испорченной репутации. Никто не будет ангажировать группу, которую арестовали за хранение наркотиков, потому что это все равно, что связываться с плохой компанией. Никто не хотел проблем с законом, ведь лицензию могли просто аннулировать. К лету 1968 года Mythology уже настолько редко выступали, что ребята оказались на мели. Им едва хватало на еду. У Тони и Билла было два варианта: отказаться от профессиональных выступлений и найти обычную работу в Карлайле, как и планировали поступить остальные участники группы, или свалить обратно в Астон, пожить у родителей и попытаться спасти свою карьеру. Они выбрали Астон и очутились у меня на пороге.

Понятия не имею, что такого я в тот вечер сказал Тони, но он передумал и дал мне шанс. Вероятно, помог тот факт, что у меня был свой аппарат – акустическая система с усилителем. А может быть, он понял, что со школы прошло пять лет и мы повзрослели. Хотя, может, вырос я и не сильно, но по крайней мере знал, что не хочу возвращаться ни в тюрьму, ни на завод. Думаю, Тони так же смотрел на вещи после обыска и несчастного случая с прессом. И, хотя его старики вели достойную жизнь – у них был свой небольшой магазинчик на углу Парк-лейн, – в свое время он закончил школу на Берчфилд-роуд, особых надежд на будущее Тони не питал. Как и я.

Без музыки нам обоим крышка.

Билл в тот вечер помог мне уговорить Тони. Он самый добрый парень в мире, этот Билл. Как я скоро узнал – еще и выдающийся барабанщик, и к тому же рассудительный и разумный парень. Хотя по его одежде этого не скажешь: в вопросах моды он был настоящим анти-Гизером. Если не знать Билла, то можно было подумать, что он живет в картонной коробке на обочине трассы М6. И за все время, что мы знакомы, он ничуть не изменился. Спустя несколько лет я впервые вместе с Биллом летел на «Конкорде». Он опаздывал, а я сидел в самолете и думал, где его черт носит? В конце концов Билл вошел в салон в каком-то старушачьем плаще и с двумя пакетами, набитыми банками с сидром. Я оглядел его с ног до головы и сказал: «Билл, ты же знаешь, что в «Конкорде» подают напитки, правда? На хрена тебе нужно было тащить свой сидр из супермаркета?» – Он ответил: «О, не хочу доставлять им хлопот».

Таков весь Билл Уорд.

После того, как Тони немного оттаял, мы весь вечер просидели в фургоне, курили, болтали о тюрьме, Карлайле, облавах, обрубленных пальцах, мистере Джонсе из школы, о том, как убивать коров пневматическим пистолетом, и о блюзовых пластинках, которые мы тогда слушали. А потом принялись решать, что будем делать дальше.

– Прежде всего нам нужно название и басист, – сказал Тони.

– Не знаю ни одного басиста, – ответил я. – Но знаю парня по имени Гизер, который играет на ритм-гитаре.

Тони и Билл посмотрели на меня. Затем друг на друга.

– *Гизер Батлер?* – сказали они хором.

– Ага.

– Этот парень поехавший, – сказал Билл. – Последний раз я видел его в клубе Midnight City, и он был явно не в себе.

– Это потому что в голове он уже рок-звезда, – ответил я. – Это хорошо. И он не ест мясо, а значит, мы сэкономим на гастролях. *А еще* он квалифицированный бухгалтер.

– Оззи прав, – кивнул Тони. – Гизер – хороший парень.

– Завтра я схожу к нему домой и спрошу, готов ли он оказать нам честь, – сказал я. – Ему нужно будет время, чтобы научиться играть на басу, но разве это сложно? Там же всего четыре чертовы струны.

– А что насчет названия? – спросил Тони.

Мы все посмотрели друг на друга.

– Нам всем нужно пару дней подумать, – сказал я. – Не знаю, как вы двое, а у меня есть особенное место, куда я хожу за важными идеями. Оно меня еще не подводило.

48 часов спустя я выдал: *«Придумал!»*

– Должно быть, он о той странной телочке, которой вставил на днях, – сказал Гизер. – Твой прыщ еще не позеленел?

Тони с Биллом хихикали, уставившись в свои тарелки с яичницей и картошкой. Мы сидели в дешевой закусочной в Астоне. Пока что мы все здорово ладили.

– Очень смешно, Гизер, – сказал я, махая перед ним вилкой с кусочком яичницы. – Я имею в виду, что придумал название группы.

Хихиканье затихло.

– Говори, – сказал Тони.

– Ну, вчера вечером я сидел в сортире и...

– Так *это* и есть твое особенное место? – У Билла изо рта полетели пережеванные яйца с соусом.

– А где же оно, по-твоему, черт возьми, находится, Билл? – сказал я. – В гребаных вавилонских висячих садах? Так вот, сижу я в сортире, и из меня выходит старый добрый много-серийный фильм о Ричарде III...

Гизер замычал.

– И я смотрю прямо перед собой на полку. Мама поставила туда баночку талька. Она любит такие штуки. Когда идешь в сортир после того, как она сходила в ванну, он похож на долбаный грот Санты. Это такой дешевый тальк, а на баночке черно-белый горошек...

– Polka Tulk, – сказал Тони.

– Именно, – сказал я. – Polka Tulk! – Я посмотрел на ребят, довольно ухмыляясь. – Чертовски круто, да?

– Не понимаю, – сказал Билл с набитым ртом. – Что общего у вонючих подмышек твоей мамы и нашей группы?

– Polka Tulk Blues Band, – сказал я. – Вот наше название!

Все сидели настолько тихо, что было слышно, как из наших чашек чая поднимается пар.

– У кого-нибудь есть идеи получше? – спросил Тони. Молчание.

– Тогда решено, – сказал он. – Мы будем называться Polka Tulk Blues Band – в честь вонючих подмышек мамы Оззи.

– Эй! – сказал я. – Давай завязывай! Больше ни одного гребаного слова о подмышках моей мамы.

Билл расхохотался, и у него изо рта снова полетели пережеванные яйца с соусом.

– Вы двое просто животные, – сказал Гизер.

Название – не единственное, что нам было нужно. Еще мы решали вопрос расширения состава. В конце концов сошлись на том, что музыка, которую мы собираемся играть – грязный, тяжелый блюз в стиле Глубокого Юга, – лучше получится при большом количестве инструментов. Так что в идеале нам нужны саксофонист и музыкант со слайд-гитарой, чтобы звук был полнее. Тони знал саксофониста по имени Алан Кларк, а мой школьный приятель Джимми Филлипс умел играть на слайде.

Честно говоря, мы хотели такой же состав, как у группы Fleetwood Mac, чей второй альбом «*Mr Wonderful*» только недавно вышел и просто снес нам крышу. Тони особенно поразили их гитарист Питер Грин. Как и Клэптон, Грин раньше играл в группе John Mayall & the Bluesbreakers, но теперь стал полноценным рок-идолом. Кажется, именно так гитаристы становились великими: сначала играли в известной группе, а потом уходили и собирали свою команду. К счастью для нас, Тони получил травму как раз тогда, когда его взяли в известную группу.

Кто-то теряет, а кто-то находит.

В те выходные мы впервые собрались на репетицию в общинном центре в Сикс Уэйз, одном из старейших и самых дерьмовых районов Астона. Была только одна проблема: мы едва слышали свою акустическую систему за шумом трассы А34 внизу. Усугубляло дело то, что машины и грузовики ездили кругами по огромной бетонной развязке, которую только что построили над чертовой трассой. В Астоне тогда строили столько бетонных конструкций, что в пору было надеть меховые шапки-ушанки и начать называть друг друга «товарищами». Черт

поberi, я имею в виду, что там и так было достаточно серо, чтобы добавлять еще больше долбаной серости.

Чтобы сделать обстановку повеселее, как-то вечером я вышел с баллончиком краски – после нескольких порций пива – и немного «украсил» это место. Одной из надписей, которые я нанес на стену у кругового перекрестка, была «Iron Void». Черт знает, что у меня тогда было в голове.

Репетиции шли хорошо, если учесть, что до этого я ни разу не пел в настоящей группе. В основном ребята просто начинали что-то играть, а Тони кивал мне, когда мне надо было петь. Вместо стихов я просто пел всякий бред, который был у меня в голове.

Гизеру тоже было нелегко. У него не хватало денег на бас-гитару, так что он выжимал всё, что можно, из своего «Телекастера», – на обычную гитару не натянешь басовые струны, потому что гриф лопнет. Думаю, Тони сначала осторожно относился к Гизеру, но оказалось, что он превосходный басист – причем от природы. И он больше всех в группе был похож на рок-звезду.

Наш первый концерт состоялся в Карлайле благодаря старым связям Тони еще из Mythology. Нам нужно было проехать 300 километров по трассе М6 в ржавом говнофургоне Тони, причем на дороге то и дело останавливалось движение, потому что ее еще не до конца заасфальтировали. Подвеска фургона умерла примерно в одно время с динозаврами, так что каждый раз, когда мы поворачивали, всем приходилось наклоняться в противоположную сторону, чтобы подкрылки не терлись о шину. Скоро мы поняли, что в повороте почти невозможно наклоняться в противоположную сторону, так что в кабине ужасно пахло горелой резиной, повсюду летели искры и слышно было скрежет колеса, которое постепенно протирало отверстие в кузове. «Хорошо, что ты умеешь обращаться со сварочным аппаратом», – сказал я Тони. Еще одна проблема – дворники. Они еле-еле елозили, но шел такой сильный дождь, что, когда мы доехали до Стаффорда, их механизм окончательно накрылся. Так что Тони пришлось остановиться у обочины под проливным дождем, а мы с Биллом высунули веревку из окна, привязали ее к дворнику, а конец просунули в другое окно. Мы вручную вытирали лобовое стекло: я дергал за одну веревку, а Билл за другую. И так всю дорогу до гребаного Карлайла.

Но восемь часов дороги стоили того.

Когда мы наконец добрались, я не мог оторвать взгляд от афиши нашего первого официального концерта. Там было написано:

«C.E.S. PROMOTIONS» с гордостью представляют... Танцы для
подростков и молодежи. Муниципальный актовый зал, Карлайл.
Суббота, 24 августа, с 19.30 до 23.30
Новая потрясающая группа из Бирмингема
POLKA TULK BLUES BAND
(В том числе бывший участник MYTHOLOGY)
Так же в программе
CREEQUE.
Танцы без перерыва (Вход 5/-).

Вот оно, сказал я себе.

Это наконец-то случилось.

Сам концерт прошел замечательно, не считая того, что на сцене я чуть не обделался от страха. Неприятности начались потом. Мы собирали свои инструменты – техники были для нас непозволительной роскошью, – как вдруг ко мне подошел огромный парень с ярко-рыжими волосами и какой-то гнойной сыпью на лице. У него в руке был пол-литровый стакан, а рядом троллеподобная подружка. «Эй, ты, – сказал он. – *Нравится моя девушка?*»

– Что, прости? – спросил я.

– Ты меня слышал. Тебе *нравится* моя девушка? Ты пялился на нее. Хочешь ее трахнуть, да?

– Должно быть, ты меня с кем-то перепутал, – ответил я. – Я ни на кого не смотрел.

– Ты пялился на нее. Я видел. Своими чертовыми глазами. Хочешь ее, да?

К этому моменту парень приблизился ко мне настолько, что я почувствовал запах пота от его футболки. Он был громадный, а голова, как гребаная наковальня. Он был даже больше, чем мой старый приятель, хулиган-громила с Берчфилд-роуд. Выхода не было. Я точно знал, что будет дальше. Либо я скажу: «Нет, честно, приятель, мне не нравится твоя девушка», – а он ответит: «Ты что, считаешь ее страшной, сука бирмингемская?» – а потом оторвет мне голову. Либо я скажу: «Забавно, что ты это сказал, потому что я как раз думал о том, как сильно хочу твою подружку», – а он ответит, «Ага, я так и подумал, ты, сука бирмингемская», – а потом оторвет мне голову.

В любом случае мне конец.

Тогда у меня возникла идея: может, если кто-то еще присоединится к разговору, то это снимет напряжение.

– Эй, Билл! – крикнул я через сцену. – Подойди на секундочку, а?

Билл подошел, насвистывая и держа руки в карманах.

– Что такое, Оззи?

– Хочешь трахнуть его подружку? – спросил я, показывая на троллиху.

– *Чего?*

– Его цыпу. Думаешь, она шлюшка, или дал бы ей шанс?

– Оззи, ты на хер *сня*...

Как раз в этот момент здоровый парень перешел на пятую стадию кипения. Он заревел, выбросил свой стакан – повсюду разлетелось пиво и стекло – и попер на меня, но я увернулся. «О нет, – подумал я, – кажется сейчас будут неприятности». Потом парень бросился на Билла, у которого было такое выражение лица, как будто его привязали к рельсам, а на него несется экспресс *«Летучий шотландец»*. В этот момент я был уверен, что либо мы оба, либо один из нас проведет следующий месяц в больнице, но я не учел того, что дальше сделает Тони. Он увидел, что происходит, подбежал к рыжему великану, толкнул его и велел проваливать. Тони был меньше громилы, гораздо меньше, но он превосходно дрался. Конечно, рыжий этого не знал, так что взял Тони за горло. Они немного поборолись, рыжий получил несколько ударов, но потом Тони отвесил ему хорошую затрещину прямо в лицо и продолжал лупить – *бам-бам-бам-бам-бам!* – пока парень не пошел ко дну как *«Титаник»*.

Ба-ба-а-а-а-ах!

Я смотрел с открытым ртом, как Тони расслабил кулак, вытер кровь с лица и спокойно продолжил собирать оборудование. Никто не сказал ни слова.

Потом, когда мы ехали в фургоне на следующий концерт в Уоркингтон, я поблагодарил Тони за то, что он спас наши задницы. Он только отмахнулся и велел больше об этом не говорить.

А Билл еще неделю со мной не разговаривал. Я его не виню.

* * *

Когда мы вернулись в Астон, Тони сказал, что недоволен Аланом и Джимми. Джимми слишком халтурил на репетициях. Да и нет никакого смысла держать саксофониста, если нет полноценного набора духовых. Но нам не нужна была куча духовых инструментов – тогда понадобился бы двухэтажный автобус. А если мы будем делить выручку на полдюжины тромбонистов и трубачей, то нам не хватит денег. Поэтому мы решили так: Алан и Джимми уйдут, и в Polka Tulk Blues Band останется четверо. Но Тони всё равно был недоволен.

– Дело в названии, – сказал он во время перерыва на репетиции. – Оно отстойное.

– Что не так? – возразил я.

– Каждый раз, когда я его слышу, то вижу перед собой картину, как ты сидишь в спущенных штанах и срешь.

– Ну и придумай тогда сам, – обиделся я.

– Вообще-то, – объявил Билл, – я немного подумал, и у меня возникла идея.

– Продолжай, – сказал Тони.

– Нужно представить, что оно написано на большом плакате. На билборде, или типа того.

– Представляю, – сказал Тони.

Билл сделал глубокий вдох. А потом сказал: «Earth».

Тони и Гизер переглянулись и пожали плечами. Я не обратил на них внимания и притворился, что волнуюсь.

– Ты в порядке, Билл? – сказал я, прищурившись.

– В порядке. Что ты имеешь в виду?

– Ты уверен?

– Конечно, черт возьми, я уверен.

– Просто... Мне показалось, тебя только что вырвало.

– Чего?

– БУ-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э!

– Пошел ты, Оззи.

– БУ-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э-Э!

– Просто подумайте об этом, ладно? Оно простое, сильное, без всякой херни, всего пять букв: Е-А-Р-Т-Н.

– Билл, честно, приятель, думаю, тебе стоит сходить к врачу. Похоже, тебя снова вырвало. БУ-У-У...

– Оззи, прекрати, – оборвал Тони. – Оно хотя бы лучше, чем гребаный Polka Tulk.

– Согласен, – сказал Гизер. Решено.

Официально в группе не было лидера. Неофициально мы все знали, что это Тони. Он был старше всех, выше всех, лучше всех дрался, был красивее, опытней и, что очевидно, талантливей. Однажды он купил себе черную замшевую ковбойскую куртку с бахромой на рукавах – девчонки такие просто обожали – и стал похож на настоящего рокера. Мы все знали, что Тони из того же теста, что Клэптон и Хендрикс. Фут за футом, он поднимется на их уровень. Он был нашим билетом в светлое будущее.

При Тони я всегда как-то робел, даже когда мы подружились. Он очень закрытый и сдержанный человек. Никогда не знаешь, что в голове у Тони Айомми. Другими словами, он полная противоположность мне: никто никогда не сомневается, что происходит в куче желе внутри моего толстого черепа.

Гизер меня не смущал никогда, несмотря на то, что учился музыке и знал свое дело. Что до Билла, то он был козлом отпущения. Мы всё время над ним подшучивали. Например, он напивался и отключался, а мы оставляли его где-нибудь в парке на скамейке, накрывали газетой, и считали, что это самая смешная шутка в мире. Он был такой добряк, что, казалось, сам напрашивался.

А я? Я по-прежнему был клоуном. Сумасшедшим. Болтуном, который что угодно делает на слабо. Другие всегда заставляли меня делать то, что не хотели делать сами – например, спрашивать дорогу у прохожих, когда мы куда-нибудь ехали, или искать новую площадку. Как-то раз в Борнмуте по дороге шел парень со свернутым ковром под мышкой. Все парни закричали: «Давай, Оззи, спроси его, спроси его». Я опустил стекло и сказал: «Эй! Мистер! Не скажете нам, как проехать на М1?» А он оборачивается и говорит: «Нет. Отвали, урод». В дру-

гой раз в Лондоне я кричу парню: «Извини, вождь, не знаешь, как добраться до «Marquee»?» – а он говорит: «Вождь? *Вождь?* Я что, похож на гребаного индейца?»

Забавно, черт побери, приятель. Мы так смеялись. То, что у нас всегда было чувство юмора – очень важно. Вот почему мы так хорошо ладили – по крайней мере, поначалу. Если у музыкантов нет чувства юмора, то вы кончите так же, как чертовы Эмерсон, Лейк и Палмер, – будете записывать альбомы на восьми дисках, чтобы каждый успел сыграть свое гребаное трехчасовое соло.

И кто только слушает эту чушь?

Если бы не родители Тони, мы вряд ли бы пережили 1968 год, не умерев с голоду. Мы были настолько нищие, что среди ночи воровали сырые овощи с огородов, лишь бы что-нибудь съесть. Как-то раз мы с Биллом нашли десять пенсов и чувствовали себя так, будто выиграли в гребаную лотерею. Мы не могли решить, что на них купить: четыре пакета чипсов или десять сигарет и коробок спичек.

В итоге мы выбрали сигареты.

Мама и папа Тони были нашим единственным спасением. Они давали нам бутерброды из своего магазина, баночки консервированной фасоли, иногда подбрасывали пачку сигарет «Player's No. 6», даже подсовывали деньги на бензин из кассы. И не потому, что были богаты – у них был всего лишь угловой магазинчик в Астоне, а не какой-нибудь «Хэрродс» в Найтсбридже. Я обожал маму Тони – Сильвию, она была чудесной леди. Старик у Тони тоже был замечательный. Он был одним из тех парней, которые покупают старый драндулет и ковыряются с ним. Вот почему у нас всегда был фургончик для передвижения.

Фургон был нам очень нужен, потому что мы никогда не отказывались от выступлений – ни разу, – даже когда нам платили всего несколько фунтов за двухчасовой концерт, которые еще надо поделить на четверых и учесть расходы. Нам годилось всё, что угодно. Даже Гизер тогда бросил работу. Группа «Earth» была нашим единственным шансом никогда не возвращаться на завод. И нам пришлось очень стараться – у нас просто не было выбора.

Мы были невероятно целеустремленными. Самое безумное, что мы делали, – это идея Тони – узнав, когда в город приедет известная группа, погрузить в фургон всё свое барахло, приехать и ждать у концертной площадки, на тот редкий случай, если артисты не приедут. Вероятность этого была так мала, что даже надеяться не стоило, но мы сочли, что, если это всё же произойдет, то у нас будет шанс выступить перед парой тысяч зрителей... Даже если их это взбесит и они забросают нас бутылками, потому что мы не та группа, на которую они только что слили свою зарплату за два дня.

И знаете что? *У нас получилось.* Один раз.

Известной группа называлась Jethro Tull. Не помню, где они должны были выступать, – может, в Бирмингеме или городе типа Стаффорда, – но они не явились на концерт. А мы тут как тут, сидим в своем фургоне и готовы выступить.

Тони пошел к директору концертной площадки.

– Группа еще не приехала? – спросил он через десять минут после предполагаемого начала концерта.

– Черт возьми, даже не начинай, сынок, – последовал раздраженный ответ. Вечер у директора явно не задался. – Их здесь нет, и я не знаю, почему. Мы звонили им в отель. Пять раз. Приходите завтра, и мы вернем вам деньги за билет.

– Я пришел не за деньгами, – сказал Тони. – Я просто хотел сообщить, что мы с ребятами из моей группы проезжали мимо – случайно, понимаете? И, если артисты не приехали, то мы могли бы их заменить.

– *Заменить?*

– Ага.

- Заменить Jethro Tull?
- Ага.
- Как называется твоя группа, сынок?
- Earth.
- *Urf?*
- Earth.
- *Urph?*
- Как планета.
- А, ясно. Хм. Думаю, я даже много о вас слышал. Сумасшедший вокалист. Блюзовые каверы. Так?
- Ага. И несколько наших песен.
- А где ваше оборудование?
- В фургоне. На улице.
- Ты бойскаут, что ли?
- А?
- Ты как будто подготовился.
- О, э... ага.
- Тогда ваш выход через пятнадцать минут. Я заплачу вам десять фунтов. И берегитесь бутылок, толпа недовольна.

Как только они договорились, Тони выбежал на улицу, улыбаясь до ушей и показывая нам два больших пальца вверх. «Мы выступаем через пятнадцать минут! – крикнул он. – *Пятнадцать минут!*»

Невозможно описать, какой мощный заряд адреналина мы тогда получили. Он был настолько сильным, что я почти забыл о своей боязни сцены. А концерт был чертовски хорош. Первые несколько минут толпа ворчала, и мне пришлось увернуться от пары стеклянных бомб, но потом мы привели всех в восторг.

Лучше всего было то, что Иэн Андерсон – вокалист группы Jethro Tull, знаменитый тем, что играет на флейте с выпученными глазами, стоя на одном колене, как придворный шут, – появился примерно на середине нашего выступления. На трассе М6 у них сломался автобус, поэтому они никак не могли связаться с концертной площадкой и предупредить об этом. Думаю, Андерсон приехал автостопом, чтобы извиниться. Стою я на сцене, ору в микрофон, поднимая взгляд и вижу, что в конце зала стоит Андерсон и кивает головой, как будто ему действительно нравится музыка. Это было чертовски здорово.

Мы ушли со сцены вне себя от радости. Директор площадки был невероятно доволен. Даже Андерсон, казалось, был нам благодарен. И после этого о нас узнали все – даже те, кто не мог произнести название нашей группы.

В ближайшие несколько недель наши дела стремительно пошли в гору. Площадки стали больше, наша игра стала жестче, и даже несколько местных менеджеров начали что-то разнюхивать. Особенно нами интересовался один парень: его звали Джим Симпсон, раньше он играл на трубе в известной бирмингемской группе под названием Locomotive. Джим бросил заниматься музыкой и открыл менеджерскую компанию под названием «Big Bear» – так его, коренного волосатого парня с красным лицом, который бродил по Бирмингему как большой ручной гризли, называл Джон Пил. Еще Джим открыл клуб над пабом «Crown» на Стейшен-стрит и назвал его «Henry's Blues House». Мы очень любили там тусоваться. Помню, мы были там на выступлении Роберта Планта и Джона Бонэма еще до того, как они уехали в Скандинавию. У меня от них были чертовы мурашки, приятель.

Однажды, ближе к концу 1968 года, Джим пригласил нас сыграть в клубе с группой Ten Years After – известными блюзовыми музыкантами. Элвин Ли, гитарист и вокалист группы, позднее стал нашим хорошим другом. Это был прекрасный вечер и такой же поворотный

момент для Earth, как концерт на замену Jethro Tull. Через несколько дней и после нескольких порций пива Джим рассказал нам с Биллом, что подумывает стать нашим менеджером. «Big Bear» уже занимались Locomotive и еще двумя местными группами, Bakerloo Blues Line и Tea and Symphony. Это был очень важный момент. Если с нами будет Джим, то у нас будет гораздо больше работы и более реальные шансы зарабатывать себе на жизнь музыкой, а не сидеть на шее у родителей Тони. Мы могли бы поехать в Лондон и играть в клубе «Marquee». Мы могли бы гастролировать по Европе.

Не было ничего невозможного, черт побери.

На следующий день мы с Биллом не могли дождаться, чтобы рассказать об этом Тони. Сидели в помещении на репетиционной базе «Six Ways», ждали, и в ту же секунду, как вошел Тони, я сказал: «Ни за что не догадаешься, что...»

Но, когда я рассказал ему о новой возможности, Тони только сказал: – «А...» – и уставился в пол. Казалось, он расстроен, и мысли его далеко.

– Ты в порядке, Тони? – спросил я.

– У меня есть новости, – сказал Тони тихо.

У меня чуть сердце не остановилось. Я побелел. И подумал, что, наверное, у него умер кто-то из родителей. В любом случае, видимо, произошло что-то ужасное, поэтому Тони и не рад тому, что у нас появится менеджер.

– Что случилось?

– Со мной связался Иэн Андерсон, – сказал он, по-прежнему глядя в пол. – Из Jethro Tull ушел гитарист. Он попросил меня стать их гитаристом, и я согласился. Простите, ребята. Я не могу отказаться. Мы будем играть с The Rolling Stones в «Уэмбли» десятого декабря.

Наступила оглушительная тишина.

Всё кончено. Мы были так близко, а теперь оказались в миллионе световых лет от мечты.

– Тони, – сказал я наконец, с трудом сглотнув. – Это чертовски здорово, приятель. Это то, чего ты всегда хотел.

– Поздравляю, Тони, – сказал Гизер, положил гитару и подошел похлопать его по плечу.

– Да, – сказал Билл. – Если кто-то этого и заслуживает, то ты. Надеюсь, они знают, насколько им повезло.

– Спасибо, ребята, – сказал Тони, с трудом владея голосом. – У вас всё будет круто, со мной или без меня. Вот увидите. Могу сказать, положив руку на сердце, что мы говорили Тони эти слова от всей души. За последние несколько месяцев мы через многое вместе прошли, и все были искренне рады за него.

Несмотря на то, что это была, черт побери, самая ужасная новость, которую я слышал в своей жизни.

3. Ведьма и нацисты

Мы были просто ошеломлены.

На свете только один Тони Айомми, другого не найти, и мы это знали.

С Тони у нас всё *получалось*. Может, потому, что все мы выросли в одном районе. Или, может, потому, что все были без гроша за душой и точно знали, какой будет наша жизнь без рок-н-ролла. В любом случае, мы понимали друг друга. Это было очевидно даже тем, кто слышал, как мы вместе работаем на сцене.

Помню, когда я пришел домой с репетиции, на которой Тони сообщил нам свою новость, то просто лежал на кровати в доме номер 14 на Лодж-роуд и держался за голову. Папа вошел в комнату и сел рядом со мной. «Иди выпей с приятелями, сынок», – сказал он и сунул мне в руку 10-шиллинговую бумажку. Должно быть, я выглядел чертовски расстроенным, раз он это сделал. Особенно если принять во внимание кучу неоплаченных счетов на кухонном столе, над которой плакала мама. «Мир не сошелся клином на Тони, – сказал он. – Будут и другие гитаристы».

Он был хорошим парнем, мой старик. Но на этот раз он ошибался. Другого такого гитариста не было. Такого, как гитариста, как Тони, больше не было.

Мы с Биллом пошли в паб и в стельку напились. Билл, как обычно, пил сидр – фермерский напиток, мало отличавшийся от яда. Он смешивал его с черносмородиновым соком, чтобы было не так противно. Сидр продавался по два шиллинга за пол-литра, и только по этой причине его вообще кто-то пил. Но Билл продолжал пить эту дрянь даже тогда, когда мог позволить себе шампанское. Он просто прикипел к сидру. Если выпить несколько порций этой дряни, то чувствуешь себя не просто пьяным, а будто по тебе проехался каток.

В тот вечер главной темой разговора был Тони, и я могу честно сказать, что мы ему не завидовали. Мы были просто убиты горем. Как бы нам ни нравились Jethro Tull, мы считали, что наша группа Earth может стать лучше – в сто раз лучше. До того, как Тони ушел, он сам придумывал классные тяжелые риффы – тяжелее, чем всё, что я слышал, – а Гизер начал писать к ним подходящие тексты. Что касается меня и Билла, то мы росли с каждым концертом. И, в отличие от многих групп одного хита, которые в то время входили в топ-40, *мы были настоящими*. Нас не собирал какой-нибудь хренов продюсер в костюме с галстуком в прокуренном офисе где-нибудь в Лондоне. Мы были не просто звездами с именем, окруженные кучкой сессионных музыкантов, которые меняются каждый концерт.

Мы были настоящей гребаной группой!

Тони ушел в декабре 1968 года.

Той зимой было так холодно, что я начал вспоминать о времени, когда работал водопроводчиком и торчал в люке с замерзшей задницей. Без Тони нам с парнями ни черта не оставалось, только весь день сидеть, нить и пить чай. Все наши концерты отменились, а работу мы бросили давным-давно, поэтому ни у одного из нас не было денег. Так что нам даже в паб пойти было не на что.

Но мы не могли даже думать о том, чтобы найти «настоящую» работу. «В 1968 году Джон Осборн был восходящей рок-звездой, – говорил я притворным голосом диктора из кино, слоняясь по дому. – В 1969 году он был восходящей звездой помоек».

Единственное, чего нам оставалось ждать, – это когда мы увидим Тони по телику. По «BBC» собирались показывать лондонский концерт The Rolling Stones. Он назывался «The Rolling Stones' Rock 'n' Roll Circus». Такого еще не было: Stones давали свой собственный концерт с несколькими знакомыми рок-звездами в «Intertel Studios» в Уэмбли, где сцена представляет собой цирковую арену с большим куполом вверху. Открывают концерт Jethro Tull. Потом

играют The Who. Мик Джаггер даже уговорил Джона Леннона исполнить песню «Yer Blues» в составе временной группы Dirty Mac, где Эрик Клэптон играет на гитаре, Митч Митчелл на ударных, а Кит Ричардс – на басу. Я даже не знал, что Ричардс умеет играть на басу. Пресса просто помешалась на этом концерте, потому что он должен был стать первым выступлением Леннона после последнего концерта The Beatles в 1966 году. (Потом мне кто-то рассказал, что один из пафосных продюсеров «BBC» позвонил Леннону и спросил, какой ему нужен усилитель, а тот ответил: «Который работает». Забавно, черт побери, приятель. Жаль, что я так и не встретился с этим парнем.)

Но в итоге по «BBC» концерт не показывали. Stones отказались. Слышал, что Джаггер был недоволен их звучанием на концерте. Пройдет еще двадцать восемь лет, пока наконец не покажут эти материалы – на Нью-Йоркском кинофестивале. Если когда-нибудь их посмотрите, Тони стоит в белой шляпе, и у него верхняя губа как у хорька. Он отлично сыграл песню «Song for Jeffrey», но между ним и Иэном Андерсоном химии так и не возникло.

Может, поэтому он решил уйти спустя четыре дня.

* * *

– В каком смысле ты *ушел*? – спросил Гизер на экстренном собрании в пабе за несколько дней до Рождества.

– Это не мое, – ответил Тони, пожав плечами. Он угощал.

– Как так может быть, что играть в Jethro Tull – не твое? – спросил Гизер. – Ты играл на концерте с *Джоном Ленноном*, чувак!

– Я хочу играть в своей группе и не хочу работать на дядю.

– Значит, Иэн Андерсон – козел? – спросил я, подбираясь к сути.

– Нет, он нормальный, – ответил Тони. – Просто он не... Мы с ним не смеялись над одними и теми же шутками, понимаешь? Всё было не так.

Казалось, что Билл, который заливал в себя уже третью пинту сидра, сейчас расплатится.

– Так что – снова вместе? – спросил Гизер, стараясь держать себя в руках и не слишком широко улыбаться.

– Если вы меня возьмете.

– Ладно. Но можно, мы придумаем другое название? – предложил я.

– Слушай, забудь про название, – сказал Тони. – Нам нужно понять, что мы все настроены серьезно. Нельзя больше валять дурака. Я видел, как пахнут парни в Jethro Tull. А они *пахнут*, приятель: четыре дня репетиций перед одним концертом. Мы тоже должны так работать. И нам нужно начать писать свои песни и исполнять их, даже если нас освистают. Скоро слушатели будут их узнавать. Только так мы сможем сделать себе имя. И нам нужно подумать об альбоме. Давайте поговорим с Джимом Симпсоном завтра утром.

Все серьезно кивнули.

Если быть откровенным, мы не могли поверить своему гребаному счастью. Тони не здоров? Никто в здравом уме не уйдет из группы, из которой он только что ушел. Даже Роберт Плант в итоге стал играть с Джимми Пейджем в группе New Yardbirds и забил на свою «Хоббстхерню». И я не могу с уверенностью сказать, что поступил бы так же на месте Тони. Насколько бы я ни был убит горем от того, что Earth распались, но если бы это меня пригласили в одну из самых знаменитых британских команд-хедлайнеров всех рок-фестивалей, с готовых контрактом с рекорд-лейблом, я бы, пожалуй, сказал: «О, э... ну, пока, чуваки!» В общем, нужно снять шляпу перед Тони Айомми. Он знал, чего хочет, и, очевидно, знал, что добьется этого без пресмыкательства перед Иэном Андерсоном.

Нам оставалось только доказать, что он принял верное решение.

– Ладно, парни, – сказал Тони, – допив пиво и стукнув пустым стаканом по столу. – Приступим к работе.

Став нашим менеджером, первым делом Джим Симпсон отправил нас в «Европейское турне». Мы погрузили свое оборудование в фургон Тони – уже модели «Транзит», пришедшему на смену «Коммеру», – доехали до парома в Харвиче, переплыли Северное море и оказались в Хук-ван-Холланде. Мы очень надеялись, что двигатель нашего фургона заведется, когда нам надо будет съезжать с парома. Температура в Дании была на двадцать градусов ниже нуля. Из Хук-ван-Холланда мы планировали поехать в Копенгаген, где был запланирован первый концерт.

Помню, что взял в эту поездку весь свой гардероб. Он состоял из одной рубашки на проволочной вешалке и пары трусов в сумке. Всё остальное было на мне: джинсы, побитая летная куртка, футболка с концертной площадки «Henry's Blues House» и ботинки на шнуровке.

В первый же день у нас сломался фургон. Было так холодно, что замерз газовый тросик, поэтому, когда Тони нажал на педаль, он просто лопнул. То есть мы застряли в какой-то дикой жопе на полпути к Копенгагену. На улице была метель, но Тони сказал, что моя задача – как «общественного представителя» группы – пойти за помощью. Так что я побрел по полю, мне в лицо дул ветер и летел снег, а из носа висели сосульки из соплей... Наконец я увидел огни деревенского дома далеко впереди. Затем я упал в канаву, а когда все-таки вытащил себя из этой гребаной ямы, то долго пробирался сквозь снег, пока не добрался до входной двери и громко постучал.

– Halløj? – дверь мне открыл здравенный парень с красной мордой, похожий на эскимоса,

– Ну, слава яйцам, – говорю я, запыхавшись и хлюпая носом. – Наш фургон накрылся. У вас есть буксир?

– Halløj?

Я не знал ни слова по-датски, так что показал на дорогу и сказал: «Фургон. Эль капутски. Йа?»

Парень посмотрел на меня и стал ковыряться в ухе. И сказал: «Бобби Чарльтон, ја?»

– А?

– А?

– Bobby Charlton, betydningsfuld skuespiller, ја?¹⁴

– Прости, приятель, ты по-англишки спико?

– Det forstår jeg ikke¹⁵ – сказал он, пожимая плечами.

– А? – Секунду мы просто стояли и смотрели друг на друга.

Потом он сказал: «Undskyld, farvel¹⁶», – и захлопнул дверь у меня перед носом. Я как следует пнул и снова погрузился по пояс в снег. Было так холодно, что руки посинели. Добравшись до дороги, я увидел машину и чуть не бросился под нее. Оказалось, это датские менты – слава Богу, вполне дружелюбные. Мне дали глотнуть что-то из термоса, который достали из бардачка. Не знаю, что это было, но я моментально вернулся к жизни. Ребята организовали эвакуатор, который доставил нас и фургон в гараж в соседней деревне.

Хорошие парни, эти датские копы.

Помахав нам на прощание, они попросили передать привет Бобби Чарльтону.

– Обязательно передадим, – пообещал Гизер.

На второй день у нас снова сломался фургон.

¹⁴ Бобби Чарльтон – известный актер, да? – *Прим. ред.*

¹⁵ Я не понимаю.

¹⁶ Прощай, пока.

На этот раз оказался неисправен датчик уровня топлива – в баке закончился бензин, а мы даже не знали об этом. Так что я снова поплелся за помощью. Но в этот раз у меня была идея получше. Мы заглохли рядом с небольшой белой церковью, где на улице стояла машина, которая, как я подумал, принадлежала викарию. Я решил, что он с удовольствием побудет добрым самаритянином, отсоединил шланг от двигателя фургона и перекачал бензин из бака в бак. Идея сработала блестяще, если не считать того, что я глотнул бензина, когда он полился из шланга. Потом у меня весь день была токсичная, легко воспламеняющаяся отрыжка и мне приходилось высовываться из окна на ходу, чтобы сплевывать бензин с кусочками рвоты.

– Фу, – говорил я. – Ненавижу четырехзвездочный.

Между концертами у нас появилось несколько мыслей для новых песен. Тони первым предложил написать что-нибудь со *зловещим* звучанием. У общинного центра в Сикс Уэйз, где мы репетировали, был кинотеатр под названием «Orient», и когда там показывали фильмы ужасов – очередь выстраивалась на всю улицу, заворачивала за угол и терялась вдаль. «Разве не странно, что люди платят деньги за то, чтобы их пугали? – помню, однажды сказал Тони. – Может, нам перестать играть блюз и написать *зловещую* музыку?»

Мы с Биллом решили, что это отличная идея и написали основу для текста песни, которая впоследствии будет названа «Black Sabbath». Она о парне, который видит темную фигуру, унесшую его потом в огненное озеро.

А потом Тони придумал этот жуткий рифф. Поверх него я простонал какую-то мелодию, и результат получился чертовски крутой – на тот момент это было лучшее, что мы сочинили. Потом мне говорили, что рифф Тони построен на так называемом «дьявольском интервале», или тритоне. Его запретили в церковной музыке в Средние века, потому что он до чертиков пугал людей. Как только органист начинал играть этот тритон, все убегали, потому что думали, будто из-за алтаря сейчас выскочит дьявол. А название песни придумал Гизер. Он взял его из недавнего фильма с Борисом Карлоффом. Честно говоря, не думаю, что Гизер смотрел сам фильм. Я точно не смотрел – и только через несколько лет узнал о его существовании. Все это было забавно, потому что, несмотря на наше новое направление в творчестве, мы по-прежнему играли довольно простой двенадцатитактовый блюз. Если вслушаться, то в нашем звучании можно было найти и джазовое влияние – например, в свинговом вступлении Билла к одной из наших ранних песен под названием «Wicked World». Отличие только в том, что мы играли в восемьсот раз громче джаз-бэнда.

Сегодня люди говорят, что вместе с песней «Black Sabbath» мы изобрели хеви-метал. Но меня всегда бесил термин «хеви-метал». Мне кажется, он ничего не говорит о музыке, особенно если учесть, что уже есть хеви-метал семидесятых, хеви-метал восьмидесятых, хеви-метал девяностых и хеви-метал нового тысячелетия – которые сильно отличаются друг от друга, даже если для кого-то это одно и то же. На самом деле, я впервые услышал слова «хеви» и «метал» вместе в песне «Born to be Wild». А потом пресса просто прицепилась к этому термину и понеслось. Конечно, мы его не сами придумали. Мы были всего лишь блюзовой группой, которая решила немного поработать со зловещим саундом. Но и через много лет после того, как мы бросили писать такую музыку, люди продолжали говорить: «Ой, они же метал-группа. Они должны петь только о сатане и конце света». Вот почему я возненавидел этот термин.

Не помню, где мы впервые исполняли «Black Sabbath», но я отлично помню реакцию публики: все девчонки с визгами убежали с площадки. «Разве смысл играть в группе не в том, чтобы трахаться с девчонками, а в том, чтобы заставлять их в ужасе убегать?» – ворчал я.

– Они привыкнут, – сказал мне Гизер.

Другое памятное исполнение песни «Black Sabbath» состоялось в городской ратуше недалеко от Манчестера. Когда мы вылезали из фургона, тамошний менеджер пришел нас встречать в костюме с галстуком. Вам бы стоило глянуть на выражение его лица, когда он нас рассмотрел.

– Вы прямо в этом выйдете на сцену? – спросил он меня, оглядев мои босые ноги и пижамный верх.

– О нет, – ответил я, притворившись, что потрясен. – Я всегда выступаю в золотистом спандексе. Когда-нибудь видели концерт Элвиса? Ну, я немного на него похож – но, конечно, у меня сиськи меньше.

– Ой, – сказал он.

Мы приступили к саундчеку, и Тони сыграл вступительный рифф «Black Sabbath»: *ду-ду-ду-у-у-у-у*, – но не успел я начать петь, как менеджер выбежал на сцену, весь красный, и закричал: «СТОП! СТОП! СТОП! Вы серьезно, черт побери? Это не поп-каверы из топ-40! Вы кто такие, ребята?»

– Earth, – ответил Тони, пожав плечами. – Вы же нас ангажировали, помните?

– Я *это* не заказывал. Я думал, вы будете играть

«Mellow Yellow» и «California Dreamin».

– Кто? Мы? – рассмеялся Тони.

– Так мне сказал ваш менеджер!

– Джим Симпсон вам так сказал?

– Кто, черт возьми, такой Джим Симпсон?

– А, – сказал Тони, наконец поняв, что произошло. Потом повернулся к нам и сказал: «Ребята, думаю, мы не единственная группа с названием Earth».

Он был прав: среди групп низовой категории С была еще одна группа Earth. Только они не играли сатанинскую музыку. Они играли поп и каверы на песни лейбла «Motown». Рекламная листовка, которую нам напечатал Джим Симпсон, только всё усугубляла: на ней мы были похожи на кучку хиппи, наши портреты были нарисованы вручную в маленьких облачках, а посередине было большое солнце и название Earth, написанное дрожащими психоделическими буквами.

– Говорил же, что это отстойное название, – сказал я. – Может, мы, наконец, теперь придумаем что-нибудь, что не будет звучать как...

– Слушайте, – перебил менеджер. – Вот двадцать фунтов за то, что приехали сюда. А теперь валите отсюда, ладно? Кстати, этот ваш бомж прав – вам надо бы сменить название. Хотя не думаю, что кому-то в здравом уме придет в голову слушать такое дерьмо.

«Дорогая мама, – писал я на открытке через несколько недель, – мы едем на концерт в «Star Club» в Гамбурге. Там играли The Beatles! Я пишу это на пароме в Дюнкерк. Надеюсь, тебе понравится картинка с белыми скалами (с другой стороны). Как раз сейчас на них смотрю. Важная новость: мы собираемся изменить название на Black Sabbath, когда вернемся в Англию. Может, теперь мы совершим прорыв. Всем привет.

Джон

Р. S. Позвоню Джине из Гамбурга.

Р. Р. S. Когда вы купите телефон? Скажи папе, что на дворе уже 70-е!!!»

Это было 9 августа 1969 года: день, когда Чарльз Мэнсона в Лос-Анджелесе устроил резню в доме Шэрон Тейт. Но мы не смотрели новости. В те времена в Европе было почти невозможно достать английскую газету, а если такую и найдешь, то она будет месячной давности. Кроме того, мы были слишком сосредоточены на нашем следующем концерте и не могли уделять внимание внешнему миру.

Мы и до этого выступали в «Star Club». Он находился на Репербане в Гамбурге, где стояли не внушающие доверия проститутки в мини-юбках и ажурных чулках, – так что мы примерно знали, чего ждать. Но на этот раз у нас было «жилье» – то есть нам должны были запла-

тить за выступление и предоставить жилье в обугленной после многочисленных пожаров дыре прямо над клубом, которая называлась комнатой. Взамен мы должны были играть ни больше ни меньше, чем семь раз за день, в перерывах между выступлениями других гастролирующих групп.

Это было очень весело, но чертовски утомительно, приятель. Каждый день мы начинали играть в полдень, а заканчивали в два часа ночи. Приходилось принимать таблетки, травку, пиво – всё, что попадалось под руку, – лишь бы не заснуть. Кто-то однажды посчитал, сколько раз мы выступили в «Star Club», и оказалось, что больше чем The Beatles. Напоминаю, в 1969 году с расцвета The Beatles прошло уже семь лет, и это место стало немного дерьмовым. На самом деле, мы были одной из последних британских групп выступавших в этой дыре: в канун Нового года клуб закрылся с концами.

А потом и вовсе сгорел дотла.

Несмотря на это, выступления в «Star Club» стали для нас лучшей практикой из всех, что можно пожелать. Концерт не похож на репетицию: его нужно довести до конца, даже если вы пьяны, а пили мы постоянно. Мне не надо особо репетировать, чтобы вести себя на сцене так, как я себя веду. Я сумасшедший по жизни, а таким не нужна репетиция – они *и так* сумасшедшие. Зато «Star Club» помог нам отшлифовать все новые песни, которые мы написали, например, «The Wizard», «N.I.B.» (в честь бороды Билла, которая, как нам казалось, похожа на кончик ручки), «Rat Salad» и «Fairies Wear Boots» (до сих пор без понятия, о чем эта песня, хотя мне говорят, что это я написал слова). А еще «Star Club» помог мне преодолеть боязнь сцены. Как только я немного расслабился, то стал откалывать всё более сумасшедшие штуки развлечения ради. А ребята меня поощряли. Когда толпа очевидно скучала, Тони кричал мне: «Оззи, давай зажги!» Это служило сигналом сотворить какую-нибудь чертову глупость, чтобы привлечь внимание зрителей. Как-то раз я нашел за сценой банку лиловой краски и по сигналу Тони намазал ей нос. Это было прекрасно, если бы краска не оказалась несмывающейся.

Я не мог отодраться от себя это дерьмо еще несколько недель. Люди подходили ко мне и спрашивали: «Какого *хрена* это с тобой, чувак?» А еще чаще ко мне вообще не подходили, потому что считали, что я псих.

У нас всех остались свои потрясающие воспоминания о «Star Club». Однажды вечером Тони так обкурился, что решил сыграть на флейте, но потерял ориентацию в пространстве и приложил флейту не к губам, а к подбородку. И всю песню он просто стоял и дул в микрофон, флейта была где-то далеко, а зал удивлялся, – что за *херня*?

Забавно, приятель.

Чтобы хорошо провести время в «Star Club», нужно было найти какую-нибудь немецкую девчонку и поселиться у нее в квартире, чтобы не пришлось спать на двухъярусной кровати с другими участниками группы, которые пердят и чешут яйца. Нас не волновало, как выглядят эти девушки, – мы и сами были не красавицы. А если они еще купят тебе пива и угостят сигареткой, то это приятный бонус. А если они не купят тебе пива и не дадут покурить, то надо постараться их обнести. На самом деле, мы часто использовали Тони как приманку – потому что его хотели все девчонки. А дальше он шел наверх и начинал возиться на одной из коек с какой-нибудь фанаткой. Я же в это время полз по-пластунски – как коммандо – к ее сумочке и вытаскивал все деньги, какие находил. Я не горжусь этим, но, черт возьми, нам нужно было на что-то есть.

Мы даже давали этим цыпочкам произзвища, которые сейчас кажутся немного жестокими. Иногда даже не немного, а просто жестокими. Например, я спал с одной девчонкой, которую все звали Ведьмой, потому что у нее был шнобель больше, чем у Гизера.

Наш роман с этой девчонкой длился недолго. Утром, после того, как она привела меня к себе, Ведьма проснулась, выпила кофе и сказала: «Я ухожу на работу. Можешь остаться здесь, но ничего не трогай, ладно?» Конечно, эта фраза оказалась роковой. Поэтому, как только она

выходит за дверь, я уже обшариваю все шкафы из любопытства, что же такого не должен в них найти. И в глубине шкафа нахожу идеально отглаженную нацистскую форму. Должно быть, ее отца или кого-то еще. Приколно, да? Я надеваю форму, нахожу бар и расхаживаю по гостиной, раздавая мебели приказы с комедийным немецким акцентом. Бухаю и курю. Я же обожаю всякие военные штуки.

Примерно через час я снял форму, повесил ее обратно в шкаф, убедился, что она идеально сложена, и притворился, что ничего не было. Но когда Ведьма вернулась незадолго до полудня, то сразу поняла, что что-то не так. Она пошла прямо к шкафу, распахнула дверцы, посмотрела на форму и рассвирепела.

Через минуту я уже сижу на ее метле и вылетаю в дверь.

Вернувшись в Англию, мы собрались дома у Джима Симпсона и рассказали ему, что хотим сменить название на Black Sabbath. Казалось, он был не в восторге, но, честно говоря, думаю, его просто отвлекал мой лиловый нос. Джим ничего мне не сказал, но я уверен, что он постоянно об этом думал, так как всё время смотрел на меня с обеспокоенным выражением лица. Возможно, Джим решил, что в Германии я подцепил какое-нибудь редкое заболевание. Помню, кажется, Элвин Ли из Ten Years After тоже был на этой встрече. И ему название Black Sabbath не понравилось совсем. «Не думаю, что на *этом* далеко уедешь, ребят», – сказал он нам. Честно говоря, то, что было дальше, я помню достаточно размыто. Только знаю, что Джим заключил сделку с парнем по имени Тони Холл, у которого была независимая продюсерская и звукозаписывающая компания. Он согласился помочь нам записать альбом при условии, что получит долю с прибыли, если альбом окажется коммерчески успешным. Я последний человек, к которому стоит обращаться с разговорами о контрактах, деньгах и прочем, так как не очень разбираюсь в бизнесе.

Во всяком случае, Тони Холл сказал, что считает нас «хорошей маленькой блюзовой группой», но нам необходим дебютный сингл – несмотря на то, что группы вроде нас в те времена редко выпускали синглы. Он сыграл нам песню «Evil Woman» американской группы Stow и спросил, не хотим ли мы сделать на нее кавер. Он понял, что мы не то чтобы в восторге, поэтому предложил сделать звучание гитар потяжелее. Мы всё еще были не в восторге, но Тони предложил оплатить нам студийное время в «Trident» в Сохо, после чего мы подумали, черт, почему бы и нет?

В итоге все пошло не так уж ровно. Мы понятия не имели, что делаем, поэтому просто установили свое оборудование, нажали на кнопку записи и сыграли вживую. Единственное, что можно с натяжкой назвать в нас профессиональным, – это надпись «Black Sabbath» на барабанах Билла, которую одна из девчонок вывела черной изолентой.

Продюсировал нас парень по имени Гас Даджен. Мы были от него в восторге, потому что он работал с Эриком Клэптоном, Moody Blues и Rolling Stones. Сейчас я понимаю, что Гас был к нам очень добр, хотя немного любил покомандовать, а мы не привыкли, чтобы нам говорили, что делать. Но с результатом не поспоришь – этот парень просто гений. После работы над «Evil Woman» он продюсировал величайшие хиты Элтона Джона семидесятых-восемидесятых годов. Ужасно грустно, что Гас со своей женой Шейлой погиб в автокатастрофе в 2002 году. Он был одним из тех парней, кто внес огромный вклад в британскую музыку, хотя его имя не очень известно. И хотя в то время мы не могли в полной мере этого оценить, но нам невероятно повезло, что Гас был с нами в самом начале нашей карьеры.

В Лондоне мы сыграли в нескольких клубах. На одном из этих концертов перед нашим выходом на сцену диджей поставил какую-то запись, и она мне просто снесла колпак. Вокал показался мне знакомым. И тут до меня дошло: это Роберт Плант. Я подошел к диджею и спросил: «Это новая пластинка New Yardbirds?»

– Нет, это новая группа! Называется Led Zeppelin.

– Правда?

– Да, чувак. Клянусь.

Мы отыграли концерт, но я не мог выбросить ту запись из головы, так что опять подошел к диджею и спросил: «Ты уверен, что это не New Yardbirds? Я знаю этого вокалиста, и он поет не в Led Zeppelin. На конверте написаны имена участников группы?»

Он прочитал имена: «Джимми Пейдж, Джон Бонэм, Джон Пол Джонс, Роберт Планта».

Я не мог в это поверить: New Yardbirds поменяли название на Led Zeppelin... и создали лучшую запись, которую я слышал за многие годы. Помню, в фургоне по дороге домой я сказал Тони: «Ты слышал, какой тяжелый саунд этого альбома Led Zeppelin?»

Нисколько ни смутившись, он ответил: «У нас будет тяжелее».

К концу 1969 года мы отчаянно нуждались в чем угодно, что помогло бы нам выйти на новый уровень. Но мы по-прежнему находились в списке групп категории С. Последнее выступление состоялось 24 декабря в Камберленде – там у нас всё еще было много работы – в зале «Wigton Market Hall». Прямо рядом с этим залом находилась женская психиатрическая больница, и каждый год на Рождество врачи разрешали пациенткам прийти туда потанцевать. Мы ничего об этом не знали. Но даже если бы знали, то ни за что не догадались бы, что дурдом выберет концерт Black Sabbath для рождественских танцев. Но именно это и произошло. Мы играли песню «N.I.B.», когда сумасшедшие дамочки гурьбой ввалились в зал, и к концу песни началась потасовка. Это надо было видеть: дамочки стали лупить по лицу парней, а девушки этих парней стали лупить сумасшедших дамочек в ответ. Это был ад. К тому времени, когда появилась полиция, на полу лежали кучи женщин с фингалами, разбитыми носами и губами.

А потом они запели «Give Peace a Chance».

В это время мы просто стояли на сцене под шум в колонках. Я посмотрел на Тони, а Тони на меня.

– Адово безумие— сказал я ему, усиленно артикулируя.

Он только пожал плечами, подкрутил ручку громкости на усилителе и начал играть «We Wish You a Merry Christmas».

В январе 1970 года это наконец-то свершилось.

Мы заключили контракт со звукозаписывающей компанией.

Несколько месяцев Джим Симпсон пытался продать нас большим важным дядькам из Лондона, приглашая их на наши концерты. Но никто нами не интересовался. А затем в один прекрасный вечер парень из компании «Philips» приехал в Бирмингем на наш концерт в «Henry's Blues House» и решил сделать на нас ставку. Думаю, название Black Sabbath сыграло свою роль. В то время книги писателя-окультиста по имени Деннис Уитли были в списках всех бестселлеров, в кино с большим успехом шли фильмы ужасов киностудии «Hammer Film», а по телевизору только и говорили об убийствах Мэнсона. Всё «темное» пользовалось большим спросом. Не поймите меня неправильно – уверен, сила была именно в нашей музыке. Но иногда, когда речь идет о подписании контракта, в нужное время все эти маленькие детали складываются воедино.

Ну и немного удачи не помешает.

Еще одним моментом, сыгравшим нам на руку, было то, что как раз в это время мы искали себе название. Компания Philips основала «андеграундный» лейбл «Vertigo», для которого мы подошли идеально. Забавным было то, что лейбл «Vertigo» еще даже не открылся, и наш первый сингл «Evil Woman» – под лейблом «Fontana». А через несколько недель компания «Philips» перевыпустила его уже под лейблом «Vertigo».

Не то чтобы это вообще имело значение: оба раза песня провалилась, как бетонное дерьмо. Но это нас не волновало, потому что нашу песню поставили в эфире «BBC Radio 1».

Один раз.

В шесть часов утра.

Я так нервничал, что встал в пять и выпил примерно восемь чашек чая. «Они ее не поставят, – говорил я себе, – они ее не поставят...»

А потом:

БАМ... БАМ...

Ду-ду-у...

БАМ...

Ду-ду-д-д-ду, ду-у-у-у-у...

Д-д-д-д-д-д...

ДУ-ДА!

ДУ-ДУ-У-ДУ...

ДУ-ДА!

Ду-ду-у-ду...

Невозможно описать, каково это – впервые услышать себя по «Radio 1». Это было волшебство в квадрате. Я бегал по дому и кричал: «Я на радио! *Я на гребаном радио!*» – пока мама не протопала вниз в своей ночнушке и не велела мне заткнуться. «*Evil woman*, – спел я ей громко, – *Don't you play your games with me!*». А потом выбежал в дверь и, распевая песню, понесся по Лодж-роуд.

Но если попасть на «Radio 1» было здорово, то это ничто по сравнению с авансом, который мы получили от «Philips»: по 105 фунтов на нос!

У меня даже собственной десятки никогда не было, чего уж говорить о сотке фунтов. Чтобы заработать такие деньги, мне пришлось бы целый год настраивать автомобильные клаксоны на заводе «Lucas». Всю неделю я считал себя неотразимым красавчиком. Первым делом купил себе банку лосьона «Brut» после бритья, чтобы лучше пахнуть. Потом купил новые ботинки, потому что старую пару уничтожил еще в Дании. Остальное я отдал маме, чтобы она оплатила счета. Правда, потом выпрашивал у нее мелочь обратно, чтобы обмывать успех в пабе.

А потом настала пора снова браться за работу.

Насколько я помню, мы не обсуждали ни демо-версию, ни запись альбома. В один прекрасный день Джим сказал, что нас ангажировали на неделю концертов в Цюрихе, а по пути туда мы остановимся в студии «Regent Sound» в Сохо и запишем несколько песен с продюсером Роджером Бейном и звукорежиссером Томом Алломом. Так мы и поступили. Как и в прошлый раз, просто настроили инструменты и сыграли свои песни вживую, без зрителей. Когда мы закончили, то еще пару часов записывали гитарную и вокальную партии. И всё. Готово. Мы даже успели зарулить в паб до закрытия, чтобы сделать последний заказ. В общей сложности мы уложились в двенадцать часов.

Как мне кажется, только так и стоит записывать альбомы. Мне плевать, что вы создаете очередной «*Bridge Over Troubled Water*». Записываете новый альбом десять-пятнадцать лет, как Guns N' Roses. Это просто смешно, и точка. За это время ваша карьера успевает умереть, воскреснуть и снова умереть.

К тому же в нашем случае мы не могли позволить себе роскошь никуда не спешить. Такого варианта просто не было. Поэтому мы пошли в студию и записались. А на следующий день поехали в Цюрих на «Транзите», где нас ждала работа и ночлег в заведении под названием «Hirschen Club». Уезжая из Сохо, мы даже не слышали сведенные записи, которые сделали

Роджер и Том, не говоря уже об обложке альбома. Так в то время работала музыкальная индустрия. Группа влияла на то, что с ней происходит, меньше, чем уборщик сортира в кабинете директора звукозаписывающей компании.

Помню, что в «Транзите» дорога в Швейцарию казалась бесконечной. Чтобы убить время, мы курили травку и выдули ее до хрена. Когда мы наконец добрались до Цюриха, то были так чертовски голодны, что нашли одну роскошную швейцарскую закусочную и соревновались на время, кто съест больше банановых сплитов. Я умудрился затолкать себе в глотку двадцать пять этих мерзавцев, а потом владелец нас выкинул. К этому времени у меня вся физиономия была в сливках. И я мог бы съесть еще парочку.

Нам пришлось идти искать «Hirschen Club», и он оказался еще обшарпаннее, чем «Star Club». Там была крошечная сцена, бар всего в нескольких шагах от нее, темно и всюду сновали проститутки. Мы вчетвером жили в одной отстойной комнатке наверху, так что на повестке дня стояла задача подцепить девчонку со своим жильем.

Как-то вечером нас с Гизером пригласили к себе две девушки в чулках-сеточках. Очевидно было, что они проститутки, но меня устраивало что угодно, лишь бы опять не спать на одной кровати с Биллом, который всё время только и жаловался на мои вонючие ноги. Поэтому, когда девушки подсластили пилюлю, сказав нам, что у них есть травка, я сказал: «Черт с ним, пойдем». Но Гизер не был так уверен. «Это же *иллюхи*, Оззи, – повторял он. – Подхватишь какую-нибудь дрянь. Давай найдем других девчонок».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.